

В ДВУХ ШАГАХ ОТ ПУСТЫНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 15 АВГУСТ 1971

СМЕНА

ДВЕ СУД

«Усилить внимание
к молодым людям,
впервые пришедшим
на производство,
помогать им
освоить профессию,
стать полноправными
членами
трудового коллектива».

(Из Постановления IV Пленума
ЦК ВЛКСМ).

ЮРИЯ ПЕТРЕНКО.

АНАТОЛИЙ БАРАНОВ,
Виктор САИК (фото)

Взгоны электрчки останавливаются точно надгрозди, прохладно, чуть дальше дребезжит на поворотном кругу старенький трамвай, разномасштабные автобусы сблизя в тесноту многоцветную стайку. Здесь все дороги и даже пробитые в сквере тропинки ведут на завод.

Вечерами над Новочеркасским электровозостроительным плещется море эллиптических огней. И сам завод выдыхает с ритмичностью моря: прилив, отлив. И снова тишина, настоящая на далеких звуках и по-весеннему мягких запахах.

Возвращение Юрия из института как раз совпадает с окончанием второй смены, и в третий раз за день он попадает в этот густой, похожий на первомайскую демонстрацию, неторопливый поток.

— Петренко! — слышится из темноты знакомый голос. Юра останавливается и ждет.

— Почему подожди так! — спрашивает Саша Мартынов. — Формулы или девочки? — Мартынов такой же слесарь, как и Петренко, поопытнее, правда. И когда во вторую смену выходит, всегда вместо бригадира остается. — Учиись, мой сын! Наука...

— Зачем ждать?
— Скажешь Мясичеву, что мы два люка сделали.

— Он и сам увидит.
— Слушай сюда. Скажешь Мясичеву, что мы два люка сделали, а на ОПЗ деталей не хватало. Сам бегал на резку — никаких концов.

— С опытом всегда так.
— Легче нам от этого? Придется опять незапланированный субботник устраивать. Схожи Петровичу. Пусть он потрясет кого следует.

Утром Мясичев «вразумил» цехового начальство. Оно оказалось «ни при чем», но заволновалось, забегало. Все объяснилось просто: металл для крышки опытного промышленного электровоза нарезали еще накануне в первую смену, но сдвинули в угол, прикрывали его сервильными листами, вот и не нашли вечером, не доставили.

— Все будет нормально, все увидится, и беспокоиться нечего, потому что нервные клетки — вещь деликатная и, говорят, не восстанавливаются.

Михаил Петрович объяснения резчиков выслушал и не принял, пригрозил навести у них порядок лично. А потом, когда кран подавал на площадку сборки связки фасонных листов, на которых выделялся меловой надписью «Мясичеву, бригадир подполковник старшему Ларусу Беломестову, комсомольского секретаря участка, попросил его провести проверку работы изготовительной службы цеха.

После смены Ларус с своими комсомольцами, обремененными высокой металью проверяющих, отправляется на участок резки металла. Рядом с ней Юрий Петренко.
— Ты же на занятии опоздаешь, — говорит Лариса.

— Успею.
Мясичев стоит у широкого ворот корпуса, через которые рядышком проходят несколько кузовов будущих электровозов, поминается: «Ох, не задирую я сегодня меловой надписи «Мясичеву, бригадир подполковник старшему Ларусу Беломестову, комсомольского секретаря участка, попросил его провести проверку работы изготовительной службы цеха».

Михаил Петрович пришел на завод в пятидесятом. Было тогда за плечами у двадцатипятилетнего Мясичева три года войны да еще пять лет службы и никакой специальности. Определили его в бригаду Исифра Петренко слесарем по первому разряду. В тот год и родился Юра.

— Помню, «обмывали» мы бригадирского первенца, и хотел я взять его на руки, так мать, как наседка, бросилась: «Иде трепать!» А сейчас с рук на руки передала: «Иди!» Идет парень, парня выше отца-матери вымахал.

У Юрия баскетбольный рост. В школе вроде не выделялся, а потом его неожиданно для всех выткнуло вверх. Возвратился он после службы в армии, Исифр Романович издала определил, что Юрия чуть не на голову его выше. И когда сын

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 15 (1061)
АВГУСТ
1971

8
ДИМИНЫЕ СОРОКИ.
Рассказ Аскольда ЯКУБОВСКОГО.

НАША ОБЛОЖКА:
АКВЛАНИСТЫ ГОРОДА ШЕВЧЕНКО ПИЖЕ-МЕРЫ ЮРИЙ ШЕВЧУК, ВЛАДЛЕН СОРОКИН И УЧЕНИЦА СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ ТЯТЬЯНА КОМЛЕВА.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА
ФОТОСЪЕМКА В ДУХУ ША-ГАХ ОТ ПУСТЫНИ СМОТРИТЕ НА СТРАНИЦАХ 14-27.

10
ЗАПАС СТОЛИЧНОСТИ.
Продолжаем разговор о городе и горожанках.

20
ОДИН ИЗ «СОЗВЕЗДИЙ».
Кто-что о судьбе РАФАЭЛЯ.

24
МОЙ ФУТБОЛ.
На вопросы нашего корреспондента Леониды ПЛЕШАКОВА отвечает заслуженный тренер СССР Константин БЕСОВ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:
ТРИДЦАТЬ МИНУТ ДО ОТКРЫТИЯ.
РЕПОРТАЖ
О МОЛОДЫХ РАБОТНИКАХ ПРИЛВКА

ЗНАКОМЫЕ ЛИЦА.
ЗАГЛЯНЕМ В КАБАЧОК «13 СТУЛЬЕВ»
КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
«ПОДСЦАРСТВА ЗА КОНЯ»

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАККОЛЕГИЯ: В. С. Абашин, Г. П. Еписков, А. П. Кулешов, А. А. Лихачев [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. Побойдашев, Р. И. Рондественский, Е. И. Рабчинков, Г. В. Семов, С. С. Симонен, А. Б. Стунов [главный художник], В. Е. Томашевич.

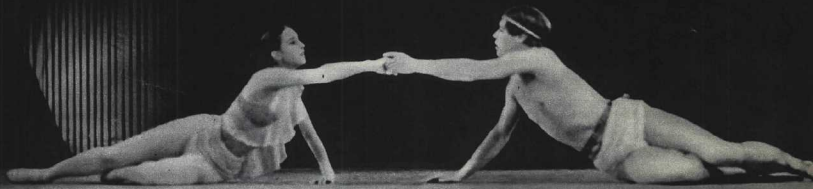
Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будинка

Анна ИЛУПИНА,
Мирослав МИХАЙЛОВ (фото)

*МИХАИЛ СУХАНОВ УЛЧЕЛЕН ПРОБЛЕМАМИ
ПОЛИМЕРОВ НЕ МЕНЬШЕ, ЧЕМ БАЛЕТОМ.*

Впервые он встал к станку летом 1960 года. Первое рабочее задание было простым, но для новичка трудным: просверлить отверстие в будущем пассажирах тоже надо уметь. А в пятнадцать лет, занимаясь в ремесленном училище всего несколько месяцев, поговеле будущи, волновался не зная, какой получится твоя про-

дукция... Так началась рабочая биография Михаила Суханова, определившая все то, что произошло в его жизни позднее.

Однако когда через десять лет после этого события, совсем недавно, я спросила у него: «Каким зели на своем пути вы синтезте главными?» — он ничего не сказал о своем производственном дебюте, а назвал два события, которые, как мне тогда показалось, ничего общего не имели с темой «рабочки у станка». Но это только на пер-

вый взгляд. На мой вопрос отвечал человек интеллигентный, скромный, красивый. Красивый душой. И внешне. Что тоже было важно, особенно в связи с теми важими его жизненного пути, которые он считает главными. Но сначала несколько предварительных слов о нашем герое — Михаиле Суханов. Жил с мамой вдовом. Она работала шофером «Ремстройтреста», и было труднолато. Даже очень. Тогда «папа» — четырнадцать лет — надо помогать матери. Пора. Дом был поблизости от завода имени Лихачева. Бросив школу, Суханов поступил в ремесленное училище при заводе.

Что произошло наибольшее впечатление при первом посещении завода? Тогда Михаил, наверное, ответил бы двумя словами: какой громадный! Сейчас, когда детство, отрочество и, пожалуй, юность уже позади, все выдвигается по-иному и обо всем думается, а тем более говорится иначе...

— Поразили масштабы. Я не мог себе представить, что заводу надо столько земли, — вспоминает теперь Суханов свое первое знакомство с заводом. — И чем дальше узнавали мы эту огромную землю, занятую нашим заводом, тем больше поражались и, наверное, тем больше гордились: право сказать о такой мажине «наш» — рабочее право, которое мы, ремесленники, еще не осознав, вероятно, почувствовали довольно отчетливо. Во всяком случае, вся наша группа новеньких, шумных сорванцов приулюлюла, и каждый смотрел во все глаза... Нам сказали, что каждые тридцать секунд с конвейера сподит автомобиль. И ради этих тридцати секунд на этом, казалось, бесконечном пространстве четко действует все эти огромные цепи — работают тысячи людей! Их объединенность, целеустремленность, всеобщность их труда, дающего такой очевидный результат, — это поразило, восхитило и не могло не вызвать ту самую, пусть несознательную, гордость, о которой в вам уже говорил... Побывав к сказанному, что венцом работы гигантского завода, приобщившего к себе в тот день несколько мальчишек, была машина. А какой парень не увлекается машинами! Мы знали автомобили самых разных марок, мы воображали себя за рулем, а человек, копющийся среди улицы в забарахлившем моторе, вызывая нашу зависть...

Но «скоро сказка сказывается». Долго «дело делалось», пока из ремесленного училища вышел квалифицированный рабочий Михаил Суханов. Еще многое ему запомнилось из тех времен, которые он теперь называет девятими. И то, как он впервые своими руками сделал газовые паяльники; и то, как получил первую зарплату — купил торт, а остальные деньги отдал маме; и то, как подружился с Володей Ильчиным; и то, как сдавал выпускные экзамены, получив почти по всем предметам, включая и главный — слесарехнологию, — высший балл...

Если бы можно было поподробно рассказать о каждом из этих событий, то получился бы хроника о ремесленном училище ЗИЛА и об одном из его воспитанников. Конечно, это был бы типичный герой в типичных обстоятельствах. Но впереди Суханова ждало еще столько интересного (и типичного!).

А пока попробуем представить себе первые самостоятельные шаги уже «совсем взрослого» рабочего. Знойным августом 1961-го встал он впервые в слесарскую станку. Впрочем, это выражение не совсем точно. Встал он не к станку, а к слесарному верстаку. Цех получил тогда молодое пополнение слесарей-наладчиков. По вызову начинающие специалисты выдвинули на участок и ремонтировали приспособления станков. Это следовало делать аккуратно и точно. Иначе нельзя: подведешь станочника, нарушишь производственный ритм, может сорваться выполнение плана. Одним словом, Михаил Суханов с первых дней самостоятельной работы почувствовал себя целиком включенным в ту общность сотен и тысяч воль, в то коллективное духовное и физическое усилие, которое материализовалось каждые тридцать секунд в автомобиле, собранном на главном конвейере...

Он надолго запомнил первый пуск автоматической линии в цехе двигателей:

— Линия была изготовлена на заводе имени Орджоникидзе. Налаживание ее работы входило в нашу обязанность. У автоматической линии есть спутники, без которых она не может функционировать. Чтобы спутники эти подружились, нужен глаз да глаз. Нужна человеческая, а не автоматическая сноровка, необходимо неутомительное наблюдение, чтобы не было никаких непредвиденных и нежелательных событий.

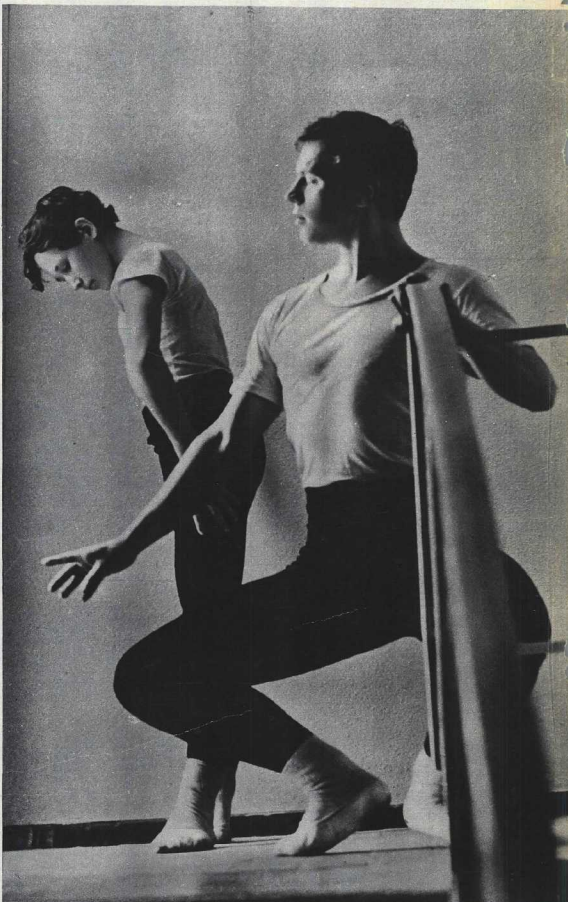
Вот среди этих людей, которые отлаживали автоматическую линию, и оказался Михаил Суханов. — Нет, сначала надо написать об Анатолии

Павлове: он был постарше, поопытнее. И рядом с ним уверенней чувствовал себя я, мальчишка... «Мальчишка» или «совсем взрослый» рабочий? В те дни он был склонен считать себя взрослым. Теперь он уверен, что тогда был еще мальчишкой... И прошло всего три года, прежде чем он начал по-настоящему взрослеть.

Это случилось в армии. Бе-то он и считал одной из важнейших вех на своем жизненном пути. — Во-первых, я попал в гвардейскую ордене Суворова Таманскую дивизию. Во-вторых, то, что она дала в физическом и нравственном отношении, переценить невозможно. Но как же трудно об этом рассказать...

...Легко льющаяся речь моего собеседника тра-

А ВЕЧЕРНО СНОВА К ЛЮБИМОМУ ЗАНЯТИЮ.

Венок

Железный век нас приучил к утратам,
Мы шли сквозь грозы, старое круша,
И на пути, пожаром бита обьятом,
Все вынесла народная душа.
Но вот сегодня, горем плеч не горбя,
Село, кишлак, и город, и вул
В молчанье, не тая отцовской скорби,
Везде встают в почтительн харзул.
Как хочется, чтобы была ошникгой,
Так больно сердце ранившая вест,
Что выждут, что порадуят улыбой,
До звезд подняв семки ярмойтой чести.
Но нет чудес... Не вступит эти трое,
Назад, и живым, из смерти нет дверей.
Они ушли из жизни как герон —
Богатыри, сыны богатирей.
Там, во Вселенной, сердце смелых бьется.
В даль будущего их глаза глядят.
Их побратимы-космоспрокоиды
Беспреплетно встали за рядом ряд.
И тысячи, со страхом незнакомых,
Таких же беззаветных ждут пори,
Когда пошлет Отчизна с космодромов
Торить дороги в дальние мири.

Воля

Разуми моги.
Превозмог притяженье.
Человек настоял на своем:
в межпланетном, безмерном круженье
и — невесом.
Обживем планету любую,
а коль надо — поддерижм плечом.
И вельные магнитные бури тут,
казалось бы, ни при чем.
Непреклонная воля велит нам
одолеет любой потолок.
Но что сердце, как память, магнитно,
кто бы это предвидеть мог!..
И земная биль — все тропинки,
запах ландыша, повиснет щегла,
горьковатая свежеть травинки —
прочной сетью на сердце легла.
Параллели, меридианы —
эту сеть поди разорви
На любой звезде безмямянной
в сердце — русские соловьи!
И от них никуда не деться,
тут бесилна вселенская ночь,
потому что магнитность сердца
даже разуму не превозможь.

«ЯРКАЯ ЖИЗНЬ И ПОДВИГ
ДОБРОВОЛЬСКОГО Г. Т.,
ВОЛКОВА В. Н.,
ПАЦАЕВА В. И.
ВСЕГДА БУДУТ
ДЛЯ ЛЕНИНСКОГО
КОМСОМОЛА,
СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ
НЕМЕРКНУЩИМ ПРИМЕРОМ

Двусторонняя

БЕЗАВЕТНОГО

СЛУЖЕНИЯ ОТЧИЗНЕ,

ПРИМЕРОМ

ГЕРОИЗМА И МУЖЕСТВА...»

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВЛКСМ

Константин СИМОНОВ

Евгений ЕВТУШЕНКО

Разведка

Начинае огнем земля,
Не оступись, не хрусит веткой,—
Вперед, за минная поля,
Уходит певая разведка.

Все пригодно, чтоб не греметь,
И приготовлено для боя.
И орденеи своих с собою
Им не положено иметь.

И как последнее прости —
Нагадавший, неожиданный спучай.
Им сказано: пора мдти,
Чем прощце сказано — тем лучше.

А после ждт и в тишину
Глядят за черныи край передний,
Уже не в первый за войну,
Но, может статься, что в последний...

Все по-другому, все не так,
Но есть в их гибели такое,
Что вновь та жизнь перед тобою,
Ее закон, ее устав.

Ее бессмертная пехота,
Ее бессонная зобота —
Над прахом головы склоние,
Вновь думать, кто же вместо них!

Наверно, в космосе есть тоже
Непреращаемость атак...
Все остальное — не похоне,
А это так.
А это так...

Двусторонняя
вечная связь

У Камчатки и у Арбата,
Над ангарского быстриной
Скорбящий выдох: погубил ребята...
Словно рекламе над страной.
Ни один — как бы ни был увенчан —
Не вернется в свой дом накопец.

На три сердца, больших, человечек,
Стало меньше в Росскии сердце.

И какая тяжелая ноша
Для людей, кому были они
Просто Вита и просто Гоша,
Просто Слава — а недавние дни.
О, Матросовы ракетодромов!
Вы оставили нам свой устак:
Даже в космосе, жилище не дрогнуи,
Умирать на рабочих местах.

Сколько в небе невзятый дотов!
И пока человечество есть,
Пламя будущих звездолетов
Будет вечным огнем в вашу честь.
Вы бессмертны, как возглас:
«Есть пламя!»
И неправда, что связь прервалась:
Между Родной нашей и выми —
Двусторонняя вечная связь!

Гибель экипажа космического ко-
робля болго отозвалась в сердцах
советских людей. Она вошла в сти-
хи Кавшаи потов, появившихся в
«Правде», «Литературной газете» и
в других изданиях стран. Со сти-
хами тех дней знакомим мы чита-
телей «Смены».

Я ВЕЧНАЯ СВЯЗЬ

РАССКАЗ

просыпался и глядел с высоты моих теплых полатей. Прозрительно сияла луна. Я видел отца, лежавшего недвижно. Он тяжело дышал. А по креслу ступал Невидимый. Мне страшно: Невидимый идет ко мне, к полатям. Волосы мои шевелятся: под ногами Невидимого хрустят пополицы.

Я кочен в ужасе, и снова проснулся, и видел луна, отца, лежащего недвижимо. За занавеской сонно дышала мама и сестренка.

Мне страшно хотелось есть. Я лежал и думал об отце, картошке и Димке.

А теперь поговорим о железном терении Димки Горева, феврале 43-го и сорках — живых и порожних. А также о наштайре, том самом, что давала Димка приносили мне от наштайра в свертке из оберточной бумаги с деревянными зажимами.

Я видел маленькие пакеты, развешивал наштайры по сто граммов и твердой рукой писал: «Наштайр натуральный. Вес 100 гр.». Четко были мои буквы, козловые женщины не сомневались в наштайре и лечили им телат. Только сорки, выросшие при капитализме и потому недоверчивые, говорили: — Если вешать, паря, большой тебе грех, животной погубит.

Хороший наштайр — класяя я, верга голая.—Смотрите, пробуйте, нюгайте. Сладкий наштайр!

— Ну, ладно, ладно... сорка.

Я не врал: Димкин наштайр был действительно хороший. И цена его тоже: ведро картошки за пакетики наштайра.

Картошка могла быть крупной или мелкой, розовой или полосатой — желтой с фиолетовым. Любая картошка, но ровно ведро. (За отцовский костюм, ненадеванный, дали один мешок картошки.)

Такие были наши наштайрно-картофельные дела.

Ненависть картошки, можно идти на охоту и добыть дичь, то есть превратить картошку в мясо.

А теперь о Димке...

День шел воскресный. В одиннадцатый я побежал к Димке Горову: надо было угорничать о наштайре: телата рождались. И надо было договориться об изготовлении дробей с ког слешими угки.

Я бежал нашей улицей с недовольным, серыми рожами домом. Бежал, подпрыгивая: февраль прожигал подошвы моих худых валенок.

Димку я не застал, дом был пуст, и пахло горелым горохом. Димка опять практиковался в стрельбе. Дом после смерти тети Аины превращался в берлогу. Стены все поковыряны Димкиными дробинами. Братья его колот дрова отчего-то не на улице, а на пороге. Он взорвалсяши щепками. Стены не побелены. На стене углою была надпись: «Димкин рукой». На столе рассыпана картошка. Одна картофелина наполовину ошнцена и кудрявилась подсохшей кожей.

Слона наполнили рот.

В свои четырнадцать лет я всегда хотел есть.

Сидя на уроках, я рисовал промокшие котлеты и точно начинал видеть ее и нюхать. Сейчас я повелел подсохшей картошке стать сладким пирожком. Она стала. Я взял его, слизал крем, съел и свл бже к печке.

Но где же Димка? Раз велел ждть, значит, недалеко.

Верное, Димка в хлебокомбинате в очереди. Ему там хорошо — пахнет хлебом.

Пусть стоит. Я стану ждть его.

Димке хорошо — рабочая карточка (он работал на месте своего отца в паровозном депо).

Кстати, где его братья — Венка и Ара? На работе? Хорошо, что их нет, а то стали бы загнать мне салазки. Им, сватав за виски, показывать Москву.

Я стал ковыряться в инструментальной столе братья. Он богатый: тиски, щипцы, подлиник разной величины.

У меня были странно-козловатые стюхишения с инструментами.

Я мог все придумать, а сделать ничего не умел. Вот придумал разборные сани для поездок в деревню, но делать их придется Димке. А тот умел все делать. Сейчас он делал финские ножи. На столе лежало несколько заготовок, вывонных из стеридахи нальничком. Один нож был закончен — полорованное чудо! У него наборная рукоятка. Наверное, ее Димка из старых мыльниц и кусочков плексигласа, шифловал хромовым порошком до кипень зашнчков.

Я взял нож — и тотчас увидеша фашиста. Крикнул: «Гитлер, капут!» — и поразил его точным ударом.

Пока фронт кормился на полу, а положили нож и стал искать ружье.

Мне хотелось подержать его в руках.

В то время мне не только хотелось есть, но и было скучно без ружья в руках. Я хотел вертеть его, всовывать и щелкать.

Димка купил на базаре одноствольный 28-го калибра, передельную в дробинки из трезлинейки. Но и ружья не было. Скучно. Я из окна стал рассматривать двор: сарай, черное пятно помойки и забор.

На нем сидят две сорки. Неподвижные.

Сорки... В горле они прилепают с первыми морозами — кормиться. Но спать они улетают в лес. Вечером, на закате.

Летят сорки высоко, скрываются морозными крыльями. Закат румянит их белые животы.

А вот прилетит их в город я не видел.

После рассвета, в окне уже виднелся сорки, сидищих на заборах. Сорки сидели...

Я стал глядеть на сорок.

Забор — несколько синих жердей и гзоди от оторванных досок. Около — снежный надув. Я смотрел и верил двум соркам. Их неподвижность была странная, как и исчезновение Димки и его ружья.

Сорка всегда в движении, ее бойкий глаз не дремлет. Только в сильные морозы сорки задумчивы. Наверное, они думают, замерзнут или нет. Но сейчас нет сильного мороза.

А вот и третья — облыдевающая — сорка. Она только что прилетела. Она вертится, качает хвостом, то глянет вниз, то в сторону двух ее сестер. И во

дворе ударил выстрел — будто палку сломали. И третья сорка качнулась, махнула одним крылом. Будто лег, и упала в снег. Из белого снега черным клочком вывалился вздичивающийся хвост. И я увидел Димку. Он выскочил из сарая с фровольной. Из того ствола ее шел тонкий дымок. Ветер мотал его.

Я выскочил на улицу. Лицо и губы Димки были почти белые. Такое лицо, говорят, бывает у замерзших людей.

— Сорка! — крикнул я. — Убил!

— Ясно, — сказал Димка. Он такой: ему всегда и все ясно.

Я тычу пальцем в сидящих.

— А эти почему не летят?

— Мои, — ответил Димка. — Мороженые.

— Ты сидел в сарае?

— Нет. На луке. За-амерз, как фрнц. — говорит Димка.

ДИМКИНЫ СОРКИ

— Давно сидишь?

— Часа два не шевелился. Тебя видел, а не шевельнулся.

И он раздвинул губы в какую-то замороженную улыбку.

Я подошел и снял сорку с забора. Это были убитые и хорошо замороженные птицы. Сорки-чучела. Сорки-подвижки.

Ну и хитер Димка!

Я взял себеубитую сорку за ногу и поднул ее.

Такая красивая, такая легкая птица!

Она пробивает единственную дробинкой. Вот это меткость!

И меня раскрывает гордость за Димку. Я тоже охотник, уже стрелял настомую дичь — угки и тетерева. Но сорку убило только одну, да и то летом.

А Димка убил трех — осторожных, зимних.

Мороженых сорки Димка спрята в ящик, и мы вошли в дом.

Войдя, Димка поставил ружье и стал греться убаки и греться.

— Замерз? — спросил я Димку.

— Ни-и-нечего, — отвечал тот. — Хол-лод из себя вытряхиваю. Понимаешь, сначала надо вытратить все набравшийся холод, а греться потом.

— Потряси, Димка, набил только кусками легкого паровозного угля — он носил его зимой в сумке.

— Стрелять не люблю, — говорил он. — В суставах сала замерзла. За наштайром!

— Да, Картошка кончилась.

— И наштайр кончился. Мастер меня застучал. Вон, бери на столе картошку, дожмвай.

— А ты?

— Я сит, я вчеру ночью продал, за три ведра.

Везуно, — сказала я, жуя холодную картошку.

— Ты опять съел пашу вчеру сомар! — спросил подозрительно Димка.

— Нет, конечно. Мы мясо и сахар отцу даем, чтобы поправлялся, вот жрать и охота.

— Напрасная трагедия — вздохнул Димка. — Все одно померт.

— А твои! Молчи!

Димка поспострел в окно. Оттаивающие его губы ступались в узкий шов.

Про меня все говорили, что мои чучела летают поверху, список картошка на сковороде, а Димкины глубоко зарыты.

Димка смотрел в окно, а я, его лучший друг, не знал, о чем он думает.

— Вернется, — сказал Димка. — Куда денется? Горевы не пропадают. А если дичи исчезали, то оставался записка. Партизаны он, вот и все. Фрнц бьет.

А твой все кашляет?

— Кашлет.

— Что мне еще сказать? Отец мой болел туберкулезом с начала войны, и с тех пор он становился все суше и меньше. Бывало, придет с работы и сидит в зимнем пальто, то рассказывая о гражданской войне и старых годах Сибири, то размачивает на карте стрелы наших фронтных ударов. Что о нем еще скажешь?

— Учится на хасторе лепешки жарить.

— Лепешки картофельные!

— Ага.

— Скажи, пусть не старается. А вот рыбий жир — верное дело. Но его можно и так есть, с луковичей...

Но мне хочется сказать об отце еще что-нибудь. Я говорю:

— Отец уже половину легкого выкашлял.

— Шнубаешься, полтора ушло. Я принудил. А что, по ночам Невидимый все ходит?

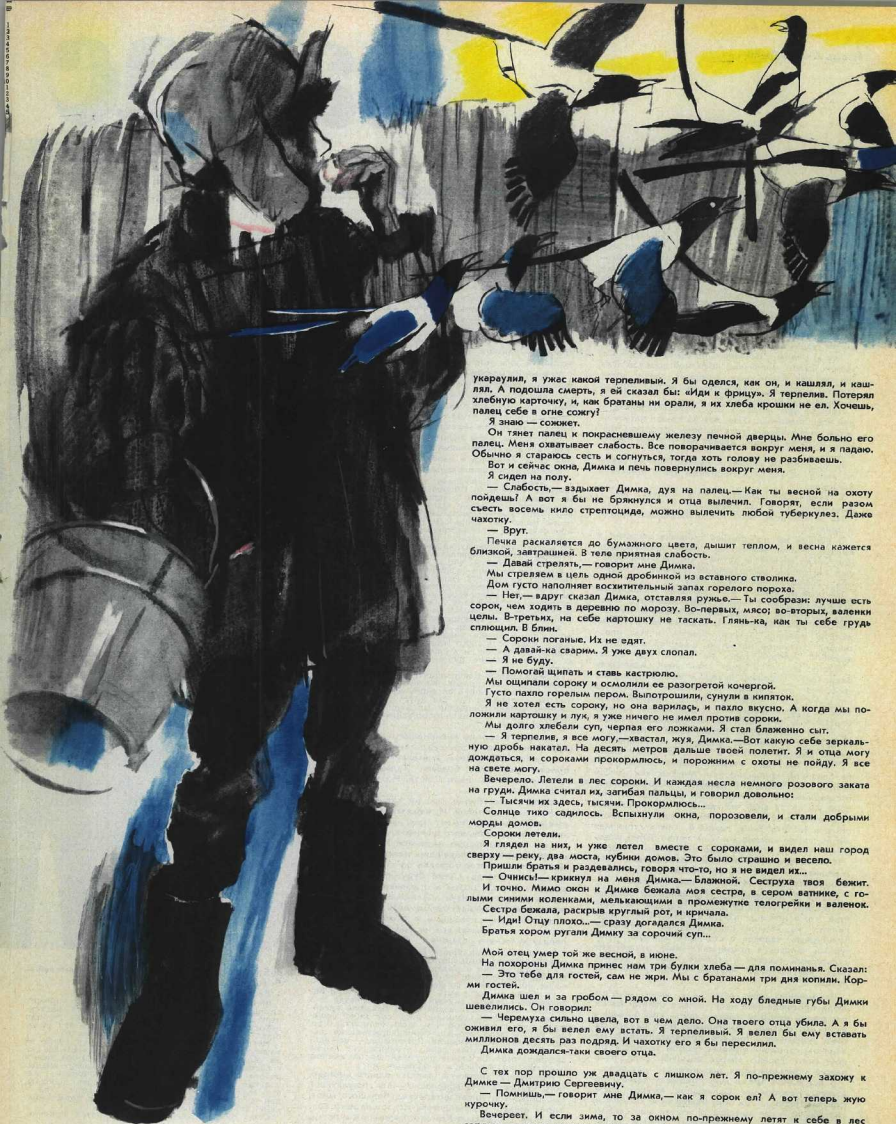
— В луные ночи. Идет, аж пол летит. Садет — ступ трещит.

— Ты смотри, это смерть к твоemu углу идет. К матери так же ходила.

Я слышал. Я бы на твоём месте спал на уроке в школе, а ночью от отца смерти отходил. Снечьего отца.

— Он, знаешь, добрый.

— А мой ремнем драться любил... Нет, не укараулишь ты отца. А я бы

Украуина, я умас какой терпеливын, Я бы оделся, как он, и кашлял, и кашлял. А подошла смерть, я ей сказал бы: «Иди к фрицу». Я терпелив. Потерял хлебную карточку, и как братья ни орды, я их хлеба крошки не ел. Хочешь, палец себе в огне сожгу!

Я знаю — сожжет.

Он тает палец к покрасневшему железу печной дверцы. Мне больно его палец. Меня охватывает слабость. Все поворачивается вокруг меня, и я падаю. Обычно я стараюсь сесть и согнуться, тогда хоть голову не разбиваешь.

Вот и сейчас окна, Димка и печь повернулись вокруг меня.

Я сидел на полу.

— Слабость — вздыхает Димка, дует на палец. — Как ты весной на охоту пойдеши? А вот я бы не брjänулси и отца вылечил. Говорят, если разом съест восемь кило стрептоцида, можно вылечить любой туберкулез. Даже чахотку.

— Зрут.

Печка раскалется до бумажного цвета, дышит теплом, и весна кажется близкой, завтрашней. В тепле приятная слабость.

— Давай стрелять, — говорит мне Димка.

Мы стреляем в цель одной дробинкой из вставного стволика.

Дом густо наполняет косметический запах горюлого пороха.

— Нет, — вдруг сказал Димка, отставляя ружье. — Ты сооруди: лучше есть сорок, чем ходить в деревню по морозу. Во-первых, мясо; во-вторых, валенки цели. В-третьих, на себе карточку не таскать. Глянь-ка, как ты себе грудь сплющил. В блин.

— Сорони поганые. Их не едят.

— А давай-ка сварим. Я уже двух сплюал.

— Я не буду.

— Помогай шипать и ставь кастрюлю.

Мы ошципали сорочку и ошципали ее разогретой чернойгор.

Густо пахло горельным пером. Выпорошили, сунули в кипяток.

Я не хотел есть сорочку, но она варилась, и пахло вкусно. А когда мы положили карточку и лук, я уже ничего не имел против сорони.

Мы долго хлебали суп, черная его ложками. Я стал блаженно сит.

— Я терпелив, я все могу — встал, жуя, Димка. — Вот какую себя зервальную дробь накатал. На десять метров дальше твоей полети. Я и отцы могу дожидаться, и сорочками прокормилсь, и порожним с охоты не пойду. Я все на свете могу.

Вечером. Летели в лес сорони. И каждая несла невнятного розового заката на груди. Димка считал их, загигая пальцы, и говорил довольное:

— Тысячи их здесь, тысячи. Прокормилось...

— Солнце тихо садилось. Вспыхнули окна, порозовели, и стали добрыми мордами домов.

Сорони летели.

Я глядел на них, и уже летел вместе с сорочками, и видел наш город сверху — реку, два моста, кубники домов. Это было страшно и весело.

Пришли братья и раздвинулись, говоря что-то, но я не видел их...

— Онциси — крикнул на меня Димка. — Блиной. Сеструха твоя бежит.

И точно. Мимо окон и Димке бежала моя сестра, в сером ватнике, с голыми синими колениками, мелькающими в промелкуте телогрейки и валенок.

Сестре бежала, раскрыв круглый рот, и кричала.

— Иди! Отцу плохо. — сразу догадался Димка.

Братья хором ругали Димку за сорочий суп...

Мой отец умер той же весной, в июне.

На похоронах Димка принес нам три булки хлеба — для поминаний. Сказал: — Это тебе для гостей, сам не жри. Мы с братьями три дня копили. Корми гостей.

Димка шел и за гробом — рядом со мной. На ходу бледные губы Димки шевелились. Он говорил:

— Черемуха сильно шедла, вот в чем дело. Она твоего отца убила. А я бы оживил его, я бы велел ему встать. Я терпеливый. Я велел бы ему встать миллионы десять раз подряд. И чахотку его я бы пересидел.

Димка дождался-таки своего отца.

С тех пор прошло уж двадцать с лишком лет. Я по-прежнему захожу к Димке — Дмитрию Сергеевичу.

— Поминишь, — говорит мне Димка, — как я сорок ел? А вот теперь жую курочку.

Вечером. И если зима, то за окном по-прежнему летят и себе и лес сорони, несая по кусочку заката на груди. Я гляжу на них и думаю о своем отце.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

— существуют два Байкала. Один — истинное море, и другой — еще Большая дельта, за тридевять земель от него, залива в Озотском море. Он лежит севернее самой глобальной части Татарского пролива, которая справедливо называется Погиби. Зимой Погиби перемерзает, ледяной наст скрывает жесткое серое море и нечетко да забывает на Сахалин с материка волк. Песч здесь нет. Колочий и пунаный стланцы часто хвалят за ноги, не пробьешься летом скалы болота.

Здесь, рядом с Байкалом, на самом севере Сахалина, лежит маленький нефтяной городок Оха. Легкое, kein вихор, ниж. Тяжелый, словно вода, воздух. Сирость, несомкнутый ветер, морозы м... десять тысяч москвичей!

Прежде чем лететь в Оху, я расспрашивал о ней всех знакомых. Один летчик сказал категорически: «Ни в коем случае не лети: аэродром плохой, ресторан плохой, девчат нет — о чем разговор!»

В Московском институте имени Губкина сказали иначе: «Ох! О-О! Нефтяной центр Дальнего Востока».

В самой Охе смеются: «Как онешь, так и вспомнишь, что в Охе живешь...»

На самом деле жить в Охе оказалось просто и приятно.

В первой же попавшейся столовой встретил я друзей. Пошли знакомство.

Никогда не жалюсь мне так легко и свободно, когда дружит не потому, что уж очень большое сердечное расположение, а из-за того, что оба с Пущиной или оба из Баку.

Никогда не жалюсь мне так легко и свободно, никогда не жалею, готовых помочь советом, рубашкой или хоть борщом... И, конечно же, в самую первую очередь книгой Кингиди, новой псалтирой, столичной новостью, широкой и широким тинской, которую здесь не крадут про запас.

Быстро возник у меня свой круг, маленькая, московская колония. Вкусы и ветры делились свободно: кто чертил на экране, кто чертил на доске, кто — изобретение. В соседней квартире вечерами танцевали. И все ходили на четвертый этаж пить пиво: там на подоконнике лежала горшка совок: хозини уезжа в Южно-Сахалинское на совещание, прицепила к незарядной двери записку: «Ждите и пейте во славу Охи!»

У меня никогда и нигде не было такого чувствования близости, причастности к Москве как в Сахалине. Той щедрости, открытости, дружелюбия, гостеприимства, любезности, наконец, той степени жизни на виду, на глазах у всех, которая возможна лишь в молодости и лишь в далекой провинции. Это было, пожалуй, самая столонная жизнь, самое московское мое житье-бытье, которое именно в столице дано пережить не часто.

И сегодня, вспоминая годы, проведенные в Охе, спрашиваю у себя: кто же мы были тогда — москвичи, столичные люди, или провинциалы?

Статье в Журналистского «Провинциалы» большого города» («Смена № 2, 1971 год) тем уже приятно, что в ней все просто и убедительно: люди делятся на четыре неравноценные категории. Культурный человек в столице — хорошо, некультурный человек в провинции — еще лучше. Некультурный человек в столице — плохой провинциал, некультурный человек в провинции — не лучше.

Несомненно, прав автор и в самом важном: люди провинциальные несут в себе чинный багаж, разрастаться который невозможно — чем больше и шире его тратить, тем больше этого самого багажа прибывает. Человек провинциальный в маленьком городе — личность особой ценности. Вокруг него, словно вокруг песчинки соли, накапливается кристаллизация насыщенного раствора.

В последние времена мне пришлось немало почитать: Новополоцкий «Выбор одного интересного человека в Новополоцке» — вот, пожалуй, и смотрите — он живет интересами большого мира. Упрек отчасти справедливый. Но вот что удивительно. Однажды в Комсомольске-на-Амуре мы

схват городской психолога, как постепенно завоевываются человеческие связи в единый узел, какую роль во всем этом процессе играет творческая интеллигенция.

Много запомнилось встреч.

«Новополоцк» возник совсем недавно. В 1958 году пришли строители и забили первый колышек у деревни Слобода. Теперь Новополоцк великолепен, в нем 45 тысяч жителей, красивая дом, здание бассейны для плавания, два роскошных Дворца культуры — в общем, типичный современный растущий городок.

Последний, кто защитил диссертацию в Новополоцке, — Михаил Васильевич Розмаков. Вот о встрече с ним мне и хотелось рассказать.

Михаил Васильевич — человек молодой, но уже заведует кафедрой высшей математики и механики. Тема его диссертации абсолютно теоретическая, но мимолетные отношения к новополоцкой промышленности: «Многообразие функций однородного уравнения Пфаффа».

Естественно, меня заинтересовало: почему ученый, теоретик, не имеющий «выхода» на прикладную тему, забрался в маленький город?

Михаил Васильевич задумался, ответил не сразу: — Конечно, можно было защитить диссертацию, поехать, сказать и Смирновым и прочим... Не исключено, что я совершил ошибку. Действительно, трудно одному. Плохо без справочной литературы. Кто-то выписывает на институт, но этого мало. Нет старых изданий, не выданы еще богатства в библиотеках. Горько новый, что здесь много отстойника! Приходится выписывать вождь-институтскому абонемента на что уходит месяцев. А когда появляется идея, се хочется проверить сразу, сей же...

Но и это не самое существенное. Плохо без круга таких же ученых, как ты, без математического совета, без интереса со стороны коллег. Необходимо ежедневное научное общение, без которого вообще-ничего получается — не то, не кустируются. Вот вам примерный перечень чисто провинциальных трудностей.

Знаете, мне кажется, именно мы, провинциалы, выросли и живем уверенней было интеллигентней. Знает, Смоляков и писем И в Смирнов, в Минск, и в Москву, и в Самаринд — том писем... А сколько уходит денег на телефонные переговоры!

В этом смысле Новополоцк для меня во лучший выбор. Но successful! Математик-теоретик появился в Новополоцке совершенно и закономерно. Не я приехал бы, так другой. В математика заинтересована городская промышленность: естественно, через химиков-прислаиваем, физиков-прислаиваем...

Сегодня в городе четырнадцать ученых. Это же очень мало, чтобы оказывать заметное влияние на городские дела. Ученые, врачи, учителя, просветители, ну, а Союзом Художников все-таки, они еще не члены Союза. Но уже есть вставки.

Город растет бурно, что ни год — прибавка в десять тысяч жителей. И, конечно, чисто количественный рост не имеет для интеллектуальной жизни города большого значения. Но фактически это не так, происходит незаметно накопление душевного капитала. Следует отметить патетика выданы Новополоцк в число городов со стотысячным населением. И тогда у него будут свои артисты и художники, свои поэты и прозаики, свои композиторы и доктора наук. Именно этот творческий энтронн прерывает город, весь город, вместе с рабочими и служащими, в свою собственную столицу, поднимает его на какую-то новую ступеньку душевного развития...

Мы сидели с Михаилом Васильевичем в одном из кабинетов горкома партии.

— А не случилось в маленьком городке? — спросил я. — Тютюшников, из Пушкинского... Не пойде же мы на тыщты во Дворец культуры? — «Туту бы и нет?» — засмеялся Михаил Васильевич. Засме, скучно может быть везде и в Москве тоже. Если, если он и во мне идет негде своей жизни, при чем здесь влияние? — «Ваша работа — это дело, что сам горой держитесь на людях, это вернее. Москва ли, Новополоцк — все едино!» — «Собственно, я бы хотел, чтобы опущать себя не только математиком или врачом в городе, но человеком в большом городе. Выбрал одного интересного человека в Новополоцке — вот, пожалуй, и смотрите — он живет интересами большого мира. Упрек отчасти справедливый. Но вот что удивительно. Однажды в Комсомольске-на-Амуре мы

собрали «круглый стол» молодых строителей — бывших москвичей.

Робита рассказали...

Виктор Новиков. Год в Комсомольске прожит не зря. Он научил нас самостоятельности. Строили дороги и дома — придем через десять лет: стоят наши «москвичские» дома в Комсомольске...

Наталья Вервенева. Виктор прав, год этот на море не отлежит нам губы. Губы для меня все люди делились на плохих и хороших, червенышских и «беленьких». А здесь все отенни человека видна работа сразу обнаруживает... Комсомольск — на чальная школа для взрослых. Смешно: проехать меж стран, работать асфальтирующей год — для чего? Чтобы понасть: надо идти в педагогический! Спасибо Комсомольску!

Люда Кучум. У нас почти все учатся. Конечно,

СТОЛБИЧНО

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

сдай в секретариат пять страниц текста, а сначала собери для них материал и напиши его так, чтобы это имело литературную и общественную ценность. Адова работа — из года в год, ежедневно!

Валера спит спартакцем. Утром он взрывается со штыгой, вел бой с тенью — был у него первый разряд по боксу, — оборвался снегом, итого полтора часа. В восемь он уже ехал за материалом для статьи. В час дня сидел за рабочим столом в редакции, а в семь, когда чеканены пять страниц были сданы в набор, отодвигал все бумаги на столе, расчищал клочок свободного места и говорил: «Ну, все! Отойдите от меня, расскажте писать буду!»

И писал рассказы. Иногда я подсовывал ему свежий номер журнала: «Валер, тут повесть одна занятная...» Он смотрел на меня жалостливо: «Старик, не могу. Я у Пушкина не все еще помню наизусть. У Достоевского не все прочитал. Никогда.»

В редакции он сидел допоздна, ужинал и бежал на лыжах километра три-четыре. Перед снами — Пушкин, Достоевский, Хемингуэй или Фолнер. А библиотека у него была огромная, думаю, что половину в ней он не успел прочитать.

Валера был азартен. Мы играли в баскетбол — редакция против города. Не помню, чтобы мы хоть раз проиграли. Он хотел во всем быть профессионалом, не дилетантом. Жил он напряженно, не жалея себя. Соничан стихи и прятал их от друзей. Стихи неплохие, даже хорошие. Но не лучше иных. А этого Валера снести не мог. Он играл на рояле и на гитаре, пел песни и писал рассказы.

Еще Валера любил детей. Как-то он взял отпуск и поехал в пионерский лагерь вожатым. Как его любил, описать невозможно, ребята за ним ходили стадами, без деления по возрастам и отрядам.

Однажды он устроил показательный бой: пригласил мастера спорта по боксу, соорудил ринг. И началось! Валера, конечно, проиграл по очкам, но сколько было восторга в рядах зрителей! Этот бой решил и его судьбу: случайный удар по голове, совсем не опасный, едва заметный... На этом месте через два месяца возникла опухоль. Он умер после второй операции...

У него было множество друзей. Ребята из Киева и Москвы, Ленинграда и Горького — все звали к нему. Звали мы его между собой по-разному. Одна из кличек была «Кунинбус Флестрия». Это из Шварца, по-литовски означает «Человек-гора». И точно, Валера был огромн, но это была не просто гора мускулов, но и целая гора энергии, доброты, нежности, ума, любви, дружеского участия...

Но что же в первую очередь! Что же было главным в этом обаятельном человеке?

Он умел жить напряженно. Слово сегодняшней день последний. Он успевал столько написать в один сутки дел, что другому завидно бы на месяц. Именно это напряженность, а не разнообразие увлечений, на мой взгляд, создает человека гармонического. Александр Блок умел писать стихи, и только. А его тесть ироня чеподаны и был гениальным химиком. Но ироня чеподаны не обязательно, можно быть просто гениальным химиком и построить свою собственную периодическую систему элементов. Гармония, мне кажется, есть, великое напряжение всех сил.

Человека культурного, по-настоящему культурного, отличает не столько разнообразие занятий и знаний, сколько напряженность духовной жизни. Превосходность плюс напряженность, духовной жизни — вот что составляет основу фундаментальной гармонической развитого человека. Того самого, который и будет, как мы того хотим, горационном будущем. И кем бы ты ни был — рабочим или ученым, художником или инженером — и кем бы далеко ни жил от столиц, этой напряженности, этой гармонии! должно хватить на всю жизнь. Де и стоит ли жить иначе!.

мы не сразу добились, чтобы в общежитии было чисто, чтобы все учились, чтобы коллентин сполнились, душеваны. Это сейчас вспомнить — вроде ничего же произошло и жили тихо. А сколько было баталий из-за бытовых мелочей, из-за работ! Теперь каждый перевыполняет норму. А раньше? Вы вспомните, вспомните, ребята!

И ребята припоминали стычки с прорабом из-за простов, с коммендантом, который хотел расселить москвичей по разным комнатам, а потом «пошел навестучу»; и как звали строгую дисциплину в общежитии, и как ходили на танцы в Дом молодежи, учили «провинциалов» танцевать модные танцы и сами присматривались, как танцуют неизвестный им танец... И как вместе с ребятами из других городов обсуждали новые

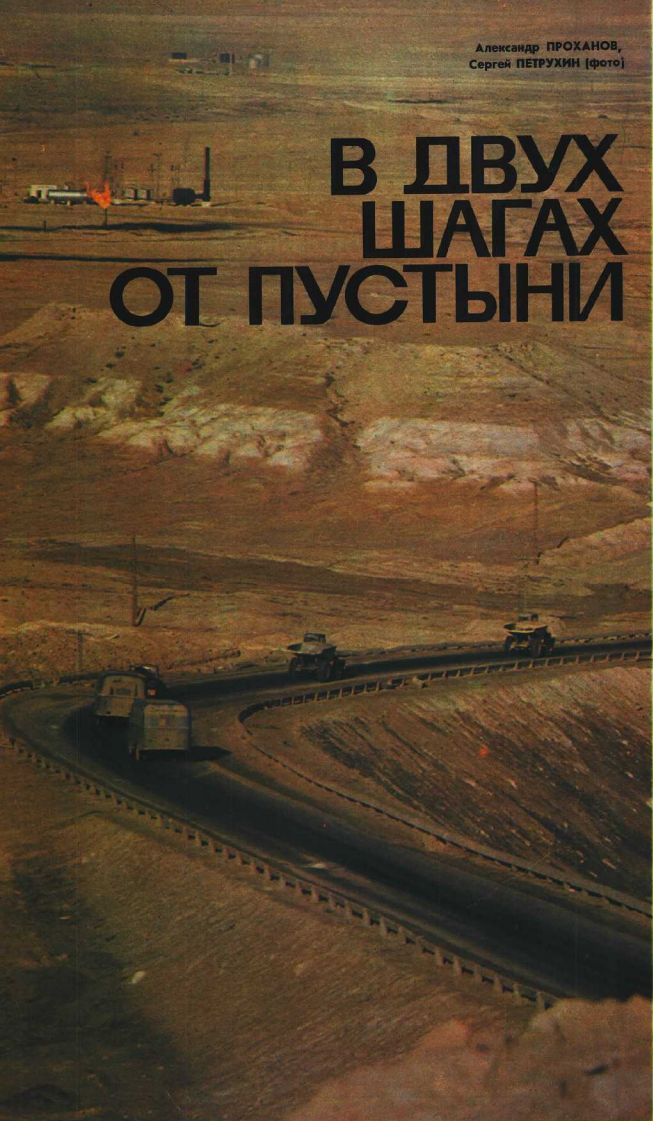
фильмы, и еще тысячу дел, которые успели и не совершить и направить по-своему, по-московски.

Кем были эти ребята — москвичами, инстанциями столичной культуры и столичных требований к жизни или уже комсомольчанами? Не все ли равно, как их называть, если жили они интересно, напряженно, бурно, требовательно, а именно это и отличает людей культурных, широких от унылых провинциалов, даже если они живут в центре Москвы.

...В Корсакове — это тоже на Сахалине — у меня был близкий друг Валерий Кузьмин. Работал он в районной газете. Журналисты представляють, что значит работать в «районке»: ежедневно

Александр ПРОХАНОВ,
Сергей ПЕТРУХИН [фото]

В ДВУХ ШАГАХ ОТ ПУСТЫНИ

ПУСТЫНЯ ВРЕЗАЕТСЯ В МОРЕ.

РАБОЧНЯ ДЕНЬ ПУСТЫНИ.

С КАРЬЕРА СТРОИТЕЛЬНОГО
КАМНЯ МИЛЛИОНЫ БЕЛЫХ
БРУСКОВ УХОДЯТ В РАСТУЩИЙ
ГОРОД.

1.

Однажды в вологодской деревне я видел, как провозяют парней в зоне гармоной, в алом дышании мехов, в песнях и плясках.

— Куда! — спросил я.

— На Мангышлак, за нефтью!

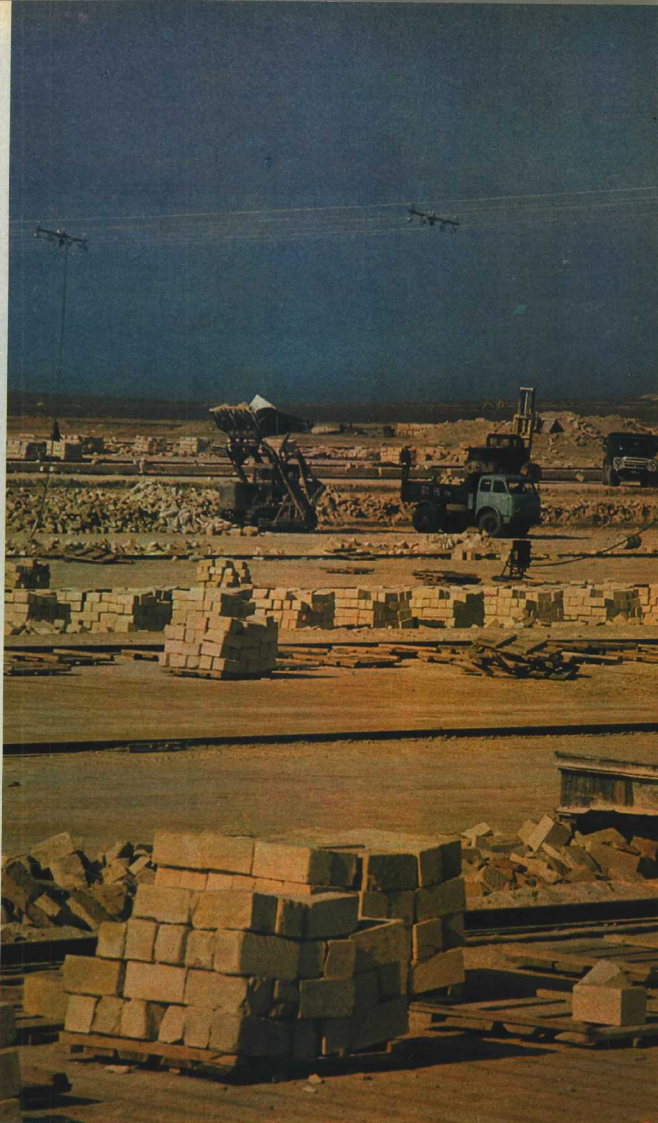
На вологодских белесых лицах лежал умиг обласки дальних пустынь, и гармоны в березовой роде рассказывали о бескрайних песках.

...Самолет идет над икроной песков и моря, сивавет, стывивает их огромной иглой. Гладишь тяжелыми утюгами моторов. Справа, под сверкающей чашей винта, — синий рассол Каспия. Слева — бесконечное рыжее полярное море. И, выходя из этого двуцветья, машина с воем проходит над старым мусульманским кладбищем, над запропнутой верблюжьей башкой, и город у моря, будто выбитый из земли ударом крыла, сверкает, как цепь соляных кристаллов.

Мангышлак... Тут от века сошлись три пустыни: море, небо, лесок. Дунут горячие бури, смешают все леной, ветром и пылью, распадутся — и опять три пустыни: ослепительное безводье солончаков, соляная зальезь воды, пустота раскаленных небес.

В мертвое тредниство пустынь четвертым началом вошел человек, пропустил сквозь себя пустынь. Вода наполнила землю, песня отступила, на них расплылось пятно насаждений. Звездой разошлись дороги. Из скал поднялся розовый город. За кратчайший срок жизнь синецирировалась здесь в огромных масштабах.

Шевченко возник мгновенно, по единому плану, резко ворвался в безлюдный ландшафт, распорол пусты-

одно — безводье, горела земля. И так мне вдруг в сад пубанцы захотелось, в тот, в наш, в кубанский... Сперва я стал сеять траву лебеду. Глажу, прикипалась. Съездили за морю, декоративной травой привез. И она прикипалась. Насадил вишен, груш. День на работе, а ночи — в саду. Люди смеются: самый, несек соберешь. А потом перестали смеяться. Саженца уродились, как спарда, землю разрыла. Отгуры, помидоры, виноград. На самолете привез пчел. Теперь уж у анокты огорода, сада. Все хорошо, вот только черн-верблюду заходит в город, жрут деревья. Худоба эта уничтожает деревья. Миллиона почему не занимается этой худобой, не знает!

Он огорченно умоляет. Я гляжу на его немолодое, обожженное пустыней лицо и думаю, что ему уже не уехать отсюда. Он пустит корни в этот песок, уже есть тут у него родная могила, внук его тут растет под горячим солнцем, яблоки налились, и вино из его виноградки кружит голову гостю. После стольких слезинок в нем проснулась человеческая тоска по домашнему покою и миру, что сохранился за столом большая семья. И вот сошлись они за этим деревенским столом. Где-то шумят опреснить в реактор опускуют стержни с горящими. А тут, на клеенке — розовые цветочки, мед на тарелках, и тест, старик из Саратова, захмелевший, угощает:

— Да ты это, ты это отведай!

5.

Борьба за ресурсы вымывает людей из мест традиционного обитания, аверая их во льды, пески, на дно океана, в дальнешем — на другие планеты. Там, где в невыносимых условиях человеку отведено новое поле деятельности, он создает себе искусственные оболочки, аккумулируя в них жизнь. К таким городам-оболочкам относятся и Шевченко. Люди покидают его на короткое время, совершая свой нелегкий труд в пустыне, и вновь возвращаются в комфорт, в уют, — город призван восстанавливать затраченную человеком энергию. В расчете на это он строился в пустыне и идея комфорта.

Планировщик архитектор, принимающий участие в проектировании, Михаил Левин поясняет градостроительные принципы:

— Свобода — в жестких условиях окружения. Разнообразие — в ограниченных рамках индустриального строительства. Это не парадоксы. Мы выжили из унылого архитектурного стереотипа. Достигли неповторимости нашего города. Он резко выделится из всего того, что строилось до этого времени. Быть может, город и опередит сознание некоторых поселенцев здесь людей. Но так и должно быть: архитектура формирует человека, он развивается в системе архитектурных ритмов...

В самом деле, в городе легко и свободно. Построение и рисунок его просты, ясны. Призмы здания то выше, то ниже, выстроены с математическим ритмом. Один дом свиркает солнцем высоких окон, другой — настенной мозаикой. Расступились — и открылось синее море, больший на нем корабль. Другая града домов расступилась — пустыня жезлет песком. Эти простые, свободные ритмы не мешают думать и чувствовать. Транспортное кольцо опоясало город. Угоды от него и сердцевины, видны бассейны, детские сады, магазины. Конечно, этот город так молод, что мир твоих исторических ассоциаций молчит. Ты не испытываешь в нем того волнения, грусти, как перед какой-нибудь обширнейшей московской колоколенкой, особняком на Арбате, старым лабяком на Мещанской. Горой предельно рационален, и знача, как вызываемая, несколько однозначна. Видно, скоменсировать это название может одно только время, человеческая интуиция, обладающая свойством давать даже самым неподвижным вещам движение в новом измерении.

Но в целом город хорош. Он, в союзуем с пустыней и морем, свободно раскир в пространство. В нем много воздуха, света. А природный ракушечник, из которого слоены здания, еще больше роднит его с этой землей.

Можно свернуть с центральной улицы, нырнуть под скалу с маяком —

и сразу исчезнут из глаз девятитажные башни, и кругом — только скалы, море. Волны шумят, плещут оторванной водорослью. Диме тут и вынырют. Пробираясь по этим обломкам среди соленой лены, в полном безлюдье, а потом, пройдя под скалой, подымаемся на нее с другой стороны: солнце слепо горит в окнах огромного дома, в кинотеатре музыки, толпа молодых людей.

На галереях домов проветриваются пестрые азиатские ковры, войлочные казакские кошмы. И молодые казашка лупит палкой по дедовской узорной кошке, пощадишь мышь с зеленым чепом, вечерние «бешбармаки», унылые песни пустыни.

Ночью на улицах, пираск звучат guitars. Днем заметив много интеллигентулов — инженеры, физики, геологи.

А если встать очень рано, на самой заре, то на асфальте у доми-башен увидишь небольшие автобусы и людей со свертками, в саногзах, робаз. Собираются бригады буровиков, и автобусы летят по красным от зари улицам к степь, где день и ночь тратят буровые.

6.

С вертолета месторождение нефти, как стеганое одеяло, прошило, прдернуто нитками труб, водоводов, нефтепроводов, в пугающе краснотеррадных, в синих шавах катрадр, Буровые, как илгы, всажены в леяте земли, пробивают ее до глубоких подземных вен, наполненных черной кровью.

Комсомольско-молодежная бригада Владимира Васильева. Буровая узкими стальными узором уходит в небо. Словоз ее железные рабы в донском розовым обломом пестея табуи. И красный криок с воет руинит из поднебесья, агонит а скалжину джоншную трубу, автоматической обломки свинчат натянутых из неба и земле стальных струн играют на них так, что пот льется по их молодым, напряженным лицам.

Двадцатипятилетний мастер Владимир Васильев спросил узание и работу моторов отвечает на мой вопрос:

— Кого сюда привела романтика, кого семейная традиция. В моем роду много нефтяников. Окончил техникум — и на Мангышлак. Сразу предложил бригаде, а отказался. Что я знал о работе! Пошел на буровую самым младшим, всю эту технику, эту силу и эту работу я руками проделал, узнаю она мене наизусть: воет болтом, Мой чичил — Герой Социалистического Труда Геннадий Иванович Шевченко — доловел. Теперь его уросты передавать человеку. У всех свои характеры, свое прошлое, свои цели в будущем.

Профессия. Бурьничка мужская. Землю чулаешься грудью. Она тебя сверзю посылает сиежомом и пылью, жмют тебе солнцем. А снизу давлет гаша — и на нефть, и на нефть, и на нефть двойным движением. В тебе долина быть смелость и тонкость. «Майна» — вправ так делаю, чтобы плест не по-ради.

Красный криок агонвет гвутья укузю сталь. Почти телесно чувствуешь, как металл вторгается в организм земли. У этого молодого человека, в котором свое знание подземных структур туту стились с мироощущением природы небес и недр. Словоз решение и прелести своей буровой он видит в огромном, огромном солнце, сочь молодых звезд.

— А когда стояли на вахте к ХХУ съезду, то такой был ветер, что сорвало буровую, асо обломил, и мы на ледяном ветру, в бурне кончили работу. И кончили!

Гудит турбуртор. На глубине двух

ОПРЕСНИТЕЛЬ. ЗДЕСЬ ВО-
ДА КАСПИЯ ТЕРЯЕТ СОЛЬ.

СОЛНЕЧНЫЕ КВАРТАЛЫ.

ШЕВЧЕНКО — ГОРОД ЧИ-
ТАТЕЛЕЙ.

тысяч метров истачивается долото о породу. Влезают глаза у бурьянщиков. Далекий табуи в степи.

7.

Кафе «Бригантина», куда собираются вечерами буровики, геологи, физики. Всплывает в полутьме серебряный дождь. Кто-то тихо поет.

Гляжу на людей за машин столиком. Вон тихий человек заслушался песней. Я видел его на опреснителе с прозрачной мензуркой, полной кристально чистой воды. Он жаловался мне, что в Шевченко пока что сложно достать хорошую юмгу, — за Цветавевой стоял всю ночь. А хорошей пластишкой владеет сообща два-три человека, по очереди уносят к себе и слушают.

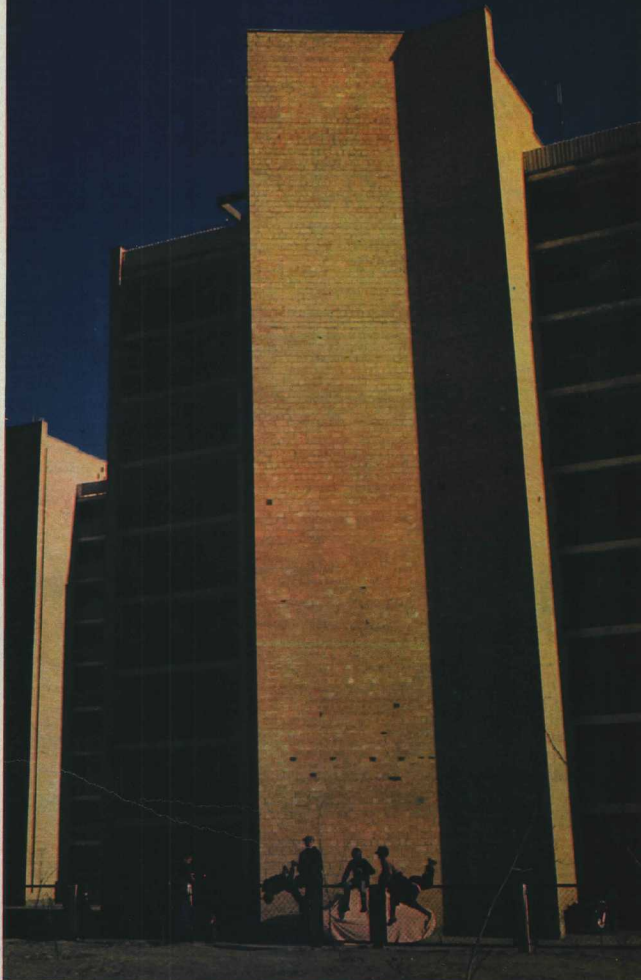
А вон молодая женщина-архитектор. Она проектирует новый танцевальный зал с зимним садом. Сначала рассказала о своем проекте, а потом вдруг — о русских северных реках, где старинные избы огромны, седые коньки на крышах подставляют выпуклые груди древнему солнцу, и старухи поют свои песни про коней, соколов и орлов.

Парень на эстраде мерцает гитарой, поет вполголоса:

Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...

Цветавский стих прекрасен. И мир бесконечно огромен. Где-то древние старухи поют. Где-то с космодрома взлетает ракета. Мы пришли в этот мир, населили его. Пропоем каждый свое, проговорим, продумаем, изменим мир, а кто пойдет следом — с собою.

Все умолкли. Парень поет. За домами на море — огни уходящего танкера...

И полсекунды я не колебался,
Испытывая призывающее сил:
Всегда самоодовольно улыбался,
Когда во двор я лезу унылосл.

Другие мне приказывать умели,
Но я умел приказывать огню.
Начальственно отглаживал деревья,
Растения, былинки на корню.

Былинка, шевелящаяся малость,
Повернула широким концом,
Начальственно отглаживая устрицами,
Моем увеличительным стеклом.

Сперва я фокус находил нелепою,
Прожили на былинке жуличи.
На плоскости иглоночной головки
Я солнца концентрировал лучи.

И отгоняла змеящаяся жало
Вдугу выпологло и наискоск
Кудрявую былинку прожигало
И превращало в матовый дымок.

И, что-то непонятно воскликнув,
Гордясь я всеобщностью огня...
Боль дерева, растения, былинки
Тогда еще не трогала меня.

Журавли за надзвездно млгою
В рай спешат
Или в ад!
Вспоминают, курлыча, былое,
О поносе грустят.

Чтоб достигнуть покоя,
Им надо
Побывать — где невесты,
Покружить возле рай и ада
И на землю приспеть.

Вот звезду
Журавлиная стая
Зачернила крылом...
Ничего зачернить не желая,
Шел вожак напролом.

Он покоя отыскивал завязь,
Все заслоны крувая,
И кружила,
И кружил,
Не спускался,
Словно неба
Душа.

Не огорчишь ницу оправданье
Или невзгоды возыметь хочю,—
В жизни порою приходит

Как на прием, испугавшись, и врачу,
Он непонятны для смертных прозревань,
Видя болезни тамной черты,
Лечит от стыдисты и самоменья,
От честолюбия и слепоты.

Так с безответственной первой встречей,
Что показався несчастью и злом,
Вдруг оказалось — от стыдисты лечит,
Словно бы душу берет на излом.

Но не позволил себе даме вздохе —
Даже с собою ваядние...
Если бы мне не бывало так плохо,—
Плохо, наверное, было бы мне.

Рисунки Владимира ХРАМОВА

Николай ГЛАЗКОВ

Согласие

— Я степь люблю,— сказал в степи жувищю.—

И ты ее, приятель, полюби.

Лет ничего на этом свете лучше

Пашенцы, что колышется в степи!

Степным раздольем нет конца и края.

Степной простор широк и величав.

Своей родной степи не променяю

На лес и горы. Прав я!

— Да, ты прав!

— Я лес люблю,— сказал тогда таежник.—

Ты от лесных угодий не беги.

Нет ничего прекрасней и надежней

Моей бескрайней ласковой тайги!

Великолепна сторона лесная

От хвойных роц до солнечных дубрав.

Своей родной тайги не променяю

На степь и горы. Прав я!

— Да, ты прав!

— Люблю я горы,— гордо молвил горец.—

И если ты в горах хоть раз бывал.

То согласишься и не станешь спорить,

Что лучше нет моих рощек и скал!

Рука

Дети спали еще в развалюхе,
И детей им жалели будить:
Мы выскальзывали, словно думи,
Притгблхас, чтоб нба не разбиты.

В обветшалом селе Конокоево,
У тещиной речонки Пазры,
Мы с тобой у плиты углового
Разделялись, зоть травы мокры.

— Ну, смелей!
Сквозь нуты краснота
Забелела, всплеснула рука.
И от женской руки засверкала,
Заблестела, задела рука.

Дети спали, а в нас просыпалось
Что-то давнее — отблеск игры.
И сигнала, смылаво усталость
Половое усталой Пазры.

И сквозз длинные годы забвенья,
Сквозз привычку, что недалеке,
Мне сверкает твоё отраженье
И сияет рука на руке.

Пульсе наката

Даль — синюшцы плоскогорьям,
Переломлен хребет волею...
Голос моря
И запах моря,
Отблеск моря,
Валы темны.

Эти рубмы сплошного шквала,
Эта ругань среди глубин...
Точно арбуслиной в ночь зарпала,
В рубке штурманской он один.

Стало небо и море бурям,
Все грознее наката пунис.
Но настречу растущей буре
Он себе выбирает курс.

Волны — будто гранита глыбы,
Смыкалозом
Руби волну.
Это главное — сделать выбор,
Далеко если идешь на дну.

Выбор сделан
В далеком детстве.
Что для юности буре мгла?
В седмью этих глзаз вглядеться
Буря тыхаск раз мгла.

Только как ни смертельна полночь,
А характер такой не смять:
Никогда не зова на помошцу,
Сам на помошцу идет
Опять.

Вьюна — на кручу над плоскогорьям,
Где промолвлен хребет волею,
Голос моря
И запах моря,
Отблеск моря,
Валы темны.

Моя рука тяжела в промжниках.
Но ты ее, чтоб тяжеле не сплугнуть,
Себе, не побоявшись, положила
На сердце, колотившее в грудь.

Как бесконечно далеко начало,
Как трудно нам поверить той тоске.
Но под рукою сердце так стучало,
Как будто не в груди оно — в руке.

Владислав СТЕПАНОВ

Рабочим и крестьянам красной армии
в г. Одессе (Розангаевен)

Профосоюз маляров города
Одессе шлёт привет нашим
русским друзьям.

МЫ благодарим за ваше участие
в борьбе за освобождение Европы
от гнета фашистов.

Правление профосоюза

Владислав Степанов
Иван Трофимович Храмов
Игорь Николаевич Штуртов
И. С. Савченко

Fil Arbejdere og Bønder den røde Armé
Rosenhaven, Odense.

Malernes Fagforening i Odense
fremsender hermed en Hilsen
til vore russiske Venner, med
Tak for Deltagelse i Befrielsen
for Nazisternes Tyrani
i Europa.

Bestyrelsen.

Malernes Fagforening i Odense
Игорь Николаевич Штуртов
И. С. Савченко
И. Савченко

несколько лет назад в Киеве я пострадал
с бывшим работником советской миссии
в Дании Григорием Лягуговым. Григорий
в годы войны попал в плен, по-
том сражался в рядах Сопротивления в
Бельгии... Разговор у нас шел о советских ло-
дках — участниках белаягского Сопроуления,
а закончился совершенно неожиданно. Григорий
достал несколько альбомов с фотографиями и
вырезками из газет и показал мне одну из них.
На газетной вырезке был изображен плавающий
док-баржа.

— Вот она, эта злополучная баржа. Хватили на
ней лица наши ребята, — сказал Лягуговым. —
Они пробыли много дней в море без воды
и пищи. Док прибыло течением к баржам датско-
го острова Ланге-Ланг.

Что за баржа? Как попали на нее советские лю-
ди? Сколько дней пришлось провести им в море?
Но на все эти вопросы вместо ответа я услышал
лишь предположения.

В «Смене» № 2 за 1965 год был опубликован
моя небольшая рассказ о барже с советскими
военнопленными, прибывшей к датскому острову
Ланге. И вот в «Смену» стали приходить письма.
«Дорогая редакция!

Я прочтала статью «Отверженные в море»
и решила написать то, что много раз слышала от
папы.
За попытку проникнуть в польский партизан-
ский отряд папа вместе с группой товарищей был
арестован и находился в фашистской тюрьме
в г. Данциге, а после был отправлен в концлагерь
Штуттоф. Его лагерный номер был 84612. Когда
Красная Армия уже была на подступах к Данцигу,
их ночью 22 апреля 1945 года вывели из
концлагеря к устью Вислы и погрузили в самозодные
баржи. Сколько было барж, он плохо помнит,
но, кажется, шесть или восемь. Все они буксиро-
вались катерами, на которых находились
вооруженные автоматиками и пулеметными гитлеровцы.
Вначале им казалось, что их ведут топты, но
везут дена, другой, седьмой и так везли до
14 мн. Птицы им не давали. Даже но вода пресной
вода. Утром 30-го их провозили по каналу в Лю-
бек, а через два часа отправляли обратно, так
как в Любек входили советские войска. Их вывезли
в открытое море и, соединив дена баржи,
причалили к громадному океанскому лайнеру
«Кат-Архона».

Через стекла иллюминаторов они увидели, что
а канота находится уникин в таких же попастых
хапатах, но объясняться с ними не было возмож-
ности. Немцы отделились от баржи и стали уход-
ить. Был вечер. Все noch никто не спал. Слы-
шались мощные взрывы на море — немцы топи-
ли баржи. Их же у трюм приключи к берегу. Кто
был в этом баржети, они не знали. И папа с товари-
щами стали уходить по баржети от баржи. Им
удалось скрыться. А примерно в полдень те, кто
спасся, увидели на горизонте морю горящий
«Кат-Архона». Вечером в город Нойштадт вошли
советские, пошли в город и папа с друзьями. На
другой дена они встретились с теми, кому уда-
лось спастись с «Кат-Архона» и с их баржи.
Папа до сих пор не знает судьбу остальных
барж с униками концлагеря Штуттоф. Возможно,
именно о них упоминается в «Смене».

Многого можно было бы написать о звездах,
которые чинились в этом концлагере. Всегда
перед обедом вешали 2—3 мелочка, а вечером были
до смерти на плачу, перед сном издевались в
баржах. Утром же большая телега (ее называли
«трунтранен»), запряженная 15—20 заключен-
ными, двигалась вдоль баржов и собирала трупики.
Папа не знает, кто был командантом этого конц-
лагеря, но знает, что там уничтожались тысячи
людей. И разве можно допустить, чтобы бонские
власти прервали преследования преступников
воинного гнета?

Мой папа, Иван Трофимович Храмов, работает
на заводе в Новороссииске.

Лена Храмова.

Однако в письме Лены речь шла о совсем
другой барже, ушедшей из устья Вислы с уники-
ми на Штуттоф. Мы с нетерпением ждали след-
ующих писем. Их пришло очень много. После
тщательного сопоставления всех рассказов уник-
ников дрейфа удалось восстановить подробности
трагедии, разыгравшейся в море в дни, когда
Красная Армия штурмовала Берлин.

В конце апреля фашисты собрали большое
группу советских военнопленных на острове Рюген.
Им предлагали вступить в немецкую армию:
«Не вступите — похоните, как мухи, от голода».
26 апреля военнопленные поплыли в луг и по-
грузили на плавающий док-баржу. Он был очень
велик, и в нем легко разместилась семсот рус-
ских и столько же французов. Подошедший катер
потопил док в море. Люди расположились кто на
палубе, кто в трюмах, везде было одинаково
ужасно. От сильного штура док захлестало
волной, винту в темном трюме было по колено
воды. Гитлеровцы не побоялись ни о пицце, ни
о воде. Все говорили о том, что это было послед-
нее упущение.

Катер продолжал уводить док все дальше от
берега. Вдруг уники услышали рокот самолетов.
С баржи кто-то выскочил, как катер, быстро ступив
трус, пустился наутек от дока. Один из самолетов
спикировал на него. Выпущенные бомбы и пули
достигли цели. В одну минуту катер затонул на
глазах уники-фашистских солдат.

Док англо-американские самолеты не стали
бомбить, лишь один из самолетов дал продолжи-
тельную очередь по нему. Самолеты ушли, а за
борт были отпущены группы уники.

Наутро со стороны берега показалась дка ка-
тера. Они шли к доку. Морю несколько успокоил-
ось, и видимость стала лучше. Это позволило
увидеть мачту с запада самолеты. Через неко-
торое время один из катеров был потоплен ле-
гкими союзными, другой, маневрируя, устре-
мился к берегу.

Из письма читателя Харченко:

«...Мы простояли на якоре весь дена и ночь.
Среди французов была группа, выглядывае-
тельно неплохо, мы же, русские, были все
отсюда до предела. Я весил всего 45 килограм-
мов».
Французы вытаскили якорь, и док поплыл от-
дельной воле моря.
Док медленно сносился на запад. 2 мая они
услышали шум мотора летящего самолета. Еще
на фронте они научились отличать этот звук от

многой другой. То была «брама» — немецкий са-
молет-разведчик с двойным фюзеляжем.
Самлет, казалось, ползал над ними. Люди устре-
мили тревожные взгляды на небо. Послышавшись
знакомый свист. Бомба разорвалась за бортом,
почти сразу же в грозу лил еще два взрыва.

Их сносило восток ночь с 3 на 4 мая. Док дрейфо-
вал и следующий дена. Берега по-прежнему вид-
но не было.

К вечеру за бортом стали попадаться зеленые
ветки.

Раздался крик:

— Земля! Земля близко!
Берег был уже виден, но неожиданно налетели
самолеты. Один за другим они стали заходить
на док. Французы второпях выбрались своей ога,
но выпущенные пули настали свои жертвы. Один
из самолетов союзников, как бы приносил извеще-
ние, покачал крыльями. На борту перевеза-
вали раненых, спустили за борт убитых. Добрав-
шись до берега вливал никто не мог. Снашком мно-
го сил требовалось для этого. Док продолжал
двигаться в сторону берега, уже стали различимы
ветки и фигуры людей. Однако земля являла ко-
му странно обрывалась, и дальше опять продол-
жалась водная пустыня, освещенная неярким
солнцем.

Их много пронесли мимо, и тогда страшному
дрейфу вновь не будет конца.

Пассажир док пришел в отчаяние. Бросились
к деревянной обшивке, срывая ногти, отдирали
доски. Около двух сотен досок превратились в
веса, и док стал медленно разворачиваться в
сторону берега. Несожиданно док уткнулся в мель.
Кто был покрепче, не раздумывая, бросился в
воду. Была неглубоко, но большие волны накры-
вали обессилевших повстан, многие утонули.

Это и был датский остров Ланге-Ланг.
Около пятисот человек, перемороженных с док
на сушу, датчане развозили по домам. Осталь-
ные остались ночевать в доке, каждому было вы-
дано по литру молока. Охрану док и весь
немецкий гарнизон острова, пленные датские
перту и другие, закончилась с началом дрейфа,
начавшийся 28 апреля недалеко от острова Рюген
и закончившийся 5 мая у берегов острова Ланге-
Ланг.

Через два дена всех русских военнопленных пе-
ревели в лагерь в город Рудоконг.
Их разместили в трехэтажном здании школы. Не
все из них могли передвигаться сами. Многие
были ранены, нуждались в медицинской помощи
и усилении питания. Во всех письмах бывшие
участники дрейфа с теплотой рассказывают о том,
как был проведен на острове сбор одежды, сови-
ских для них. Встреча на улицах города совет-
ских людей, датчане снимали головные уборы в
знак уважения к великой стране, героической
армии, освободившей Европу от фашизма.

Закончив свой рассказ о «блатиском дрейфе»
я хочу выдержить из письма Александра Ивано-
вича и Антонины Александровны Фомички: «Мы
не дожили до освобождения войны, всего того,
что пережили, что пришлось с собой фашизм
людей. Это не только долг, но и обязанность перед
нами теми, перед всеми теми, кто будет
жить после нас».

Мирей Матье, Шарль Азнавур, Жак Брель, Катарина Вальтер, Эгза Кют, Аки и Тина Тернер... Велик, несомненно велик «звездный» мир современных шансонье буржуазного Запада. Звезды в нем — разнит великими и сияния [последнее обстоятельство в основном зависит от рекламы]. В этом мире не очень долго засиять и не очень легко погаснуть, ибо за внешним блеском и иллюзорной красотью этого мира скрываются настоящие (музыкальные) джунгли со всеми присущими им законами. Поэтому только очень большой и щедрый талант может пробить в них дорожку и заслужить признание прессы, критики, а потом и публики. Тем более, если талант из бедной семьи. Тем более, если у таланта нет возможности шлифоваться и «гранить» себя у опытных педагогов вокала.

Все сказанное выше относится полностью к судьбе испанского певца Рафаэля. Сын бедных родителей из небольшого андалузского городка, он получил в качестве музыкального образования лишь десять лет пения в церковном хоре. Природный дар плюс усильная работа над собой, плюс настойчивость и последовательность в выступлениях на национальных конкурсах песни сделали его известным в Испании еще совсем в юные годы. Первые свои призы он получил на фестивале в Вендидеро, когда ему исполнилось шестнадцать лет. Европа, а затем Америка узнали его всего несколько лет назад после успешного выступления во Франции.

Чем же объяснить аномальный и стремительный успех певца, которому в дни его гастролей в Советском Союзе, а именно 6 мая, исполнилось 26 лет? Только ли участием в семи испанских музыкальных фильмах довольно банального содержания, в которых, по словам самого Рафаэля, он снимался лишь «для упрочения своей популярности»? Только ли обаянием молодости и внешности? Только ли тем, что для слушателя любого континента уже в самом слове «испанский» скрывается непреодолимая притягательность?

Думается, что корни популярности Рафаэля следует искать несколько глубже.

Вспомним эпоху итальянского неореализма в кинематографе. Именно рожденные ею бесмертные произведения, в том числе «Рим — открытый город», «Рим в 11 часов» и другие, вызвали к современному искусству и культуре Италии самый пристрастный и широкий интерес. Возрос тогда же

этот интерес и к итальянской эстрадной музыке, в основу которой непреходящим элементом пожелала лишь того, что так распахнуто вымещается идеологическая песня. Зазвучали на весь мир и голоса Робертино Лоретти, Умберто Маркатто, Вилли Альбевти.

Пятидесятые годы были отмечены в песне «французской волной» Эдит Piaф, Жюльетт Греско, Колеет Ренар, Жюри Брассонс.

Шестидесятые годы характеризовались активным вторжением в духовную жизнь Западной Европы американской массовой культуры. Среди «товаров» этой культуры были и так называемая поп- или «бит-музыка». Общее настроение широких масс в странах капиталистического мира, настроение подавленности, растерянности, безысходности, вызванное могучими социальными и политическими катаклизмами, содействовало в какой-то мере распространению легкой музыки англоамериканского происхождения. Рок-ролл, твист, шекки, джерк — резкие, синхронизированные ритмы... Хриплые голоса Элвиса

Людмила СЕРГЕЕВА,
Мирослав МУРАЗОВ (фото)

ОДИН ИЗ СОЗ

ВЗДЫХ

Пресли, Джинни Холмдер, биттлов, и т. д. и т. п. прочно господствовали на музыкальном западном издании к началу семидесятых годов.

И среди этого «авилонной» действующего как сильнейшим раздражителем нервной системы человека, слушающего «даун», встретился с гармоничной, ясной мелодией. Именно с гармоничной, именно с мелодией, подчеркиваем мы. Вот почему встреча с Рафаэлем для западной публики была встречей с «хорошим», но основательно забытым знакомым, которым вызвал в сердце добрые воспоминания, заставил на минуту остановиться и вслушаться в движение собственной души, а не только тела.

Теплоте встречи значительно помог первоначальный репертуар молодого певца. В нем было немало песен подлинно народного происхождения, песен, положенных на слова великих революционеров, поэтов и гуманистов — Гарсиа Лорин и Антонио Мачадо. И был голос — звучный, срезанный, действительно испанский голос. Испанский потому, что только природным испанцем может передать голосом ту гамму — дрошь, ту гамму «фальцетте», которую невозможно описать и объяснить словами. Ту горланную, чуть носовую мелодику, в которой слышны и крики волеи: на корабле, и щепотка настанет, и шепсел оборачивает лобок танцовщицы «фламенкой», и многое, многое из того, что есть только в Испании!

Все это было у Рафаэля. Но случайно здесь употреблено слово «было». Ибо жизнь и борьба за место на «звездном» небосклоне капиталистического мира искусства по-разному плывет на артиста. Один, как это случилось с американцами Питом Сигером, Динем Ридом, Барбарой Денн, итальянцами Серджио Энгиро и Флорентио Триналио, немцами Пино Ибаньесом и многими другими, эта борьба приводит в лагерь активных борцов за прогресс и справедливость. Они создавали инициативность, они приобрели революционность содержания. И они лишились многих материальных благ.

Другие в погоне за благополучием бесцельно от грампластинок и шоу идут на сделку с собственным вку-

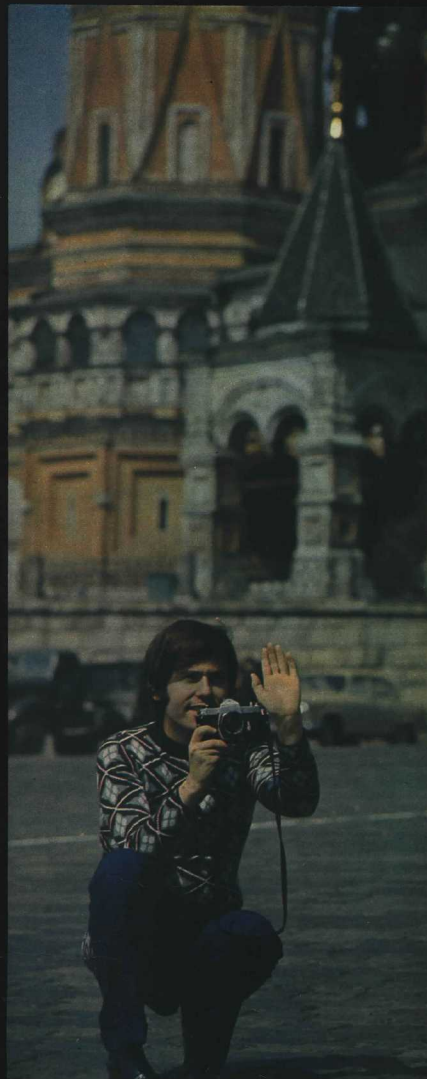
сом. Тем более что так заманчиво поэксплуатировать национальную экзотику!

Вirus «экзотизма» поразила аполлодства и Рафаэля. Певец показал в Советском Союзе большую программу, в основном построенную на песнях современного испанского композитора Мануэля Лехандро (настоящий, большой друг Рафаэля). Рафаэль искренне и честно «работал», заслужив аплодисменты тысяч аудиториев. И все же... Все же трудно отдалиться от ощущений, что это концерт в определенной степени сделан по меркам тех требований, которые может предъявить к испанскому певцу заказчик европейской или американской наваре. [«После вас еду в Мексину, а там — в Лас-Вегас, — говорил на прощание Рафаэль. — В нашом городе еще несколько братьев и сестер: всех надо вывести в люди...»]

А ведь в беседах Рафаэль сам говорил о том, что единственное мерило подлинности искусства — народность, фольклор.

Нет смысла перечислять или «рецензировать» песни, исполненные Рафаэлем в Москве и Ленинграде. Песни испанского происхождения (наим уже говорилось, лучшие в репертуаре) известны нашим любителям музыки по грампластикам и фильму «Пусть говорят!» (слова, музыку и лирику написал композитор Мануэль Лехандро). Попурри же из английских, французских, американских, мексиканских, аргентинских песен, куплетов, мелодий не лучшее в творчестве Рафаэля. Уж очень много «аргентинизма» или имитационности обрушивается при этом на слушателя и даже сильными и яркими голос, темперамент певца, его пластика, полная «отдачей» не спасают его.

Выступления Рафаэля стали заметным явлением в очень насыщенной музыкально-гастрольной жизни нашей страны. Думается, что это можно отнести в какой-то мере и к тому, что для нашего слушателя этот певец явился в поруку очередь представления искусства Испании, которая для многих наших поколений стала символом свободной воле, героизма, романтики.

Когда Леров и Ибадов ушли, Сергей посмотрел им вслед и сказал:

— Хорошо у тебя ребята. Надежные.

— Неплохие,— согласился Вальков.

— А теперь,— предложил Сергей,— давай поищем новые линии работы по этому делу. У меня уже нет сомнений: Гусев каким-то образом попал в шапку. За ним охотятся Рожков, и он дружит с Каримом, тоже членом шапки. Наконец, он влюбился в Дину, которая любит другого, и об этом знает Рожков, зная, потому и сказал: «Буду не подкалываю».

— Может быть, она любит Рожкова?

— Вряд ли. Что-то непонятно. Он бы так легко об этом не сказал. Но вот Гусев... Он был членом шапки... и вдруг «завезал»... Тогда они решили его убить...

Сергей задумался.

— Все это вполне возможно,— подтвердил Вальков и добавил:— Может быть, еще раз допросить Рожкова? Он ведь все знает. И эта записка, где они продают его с потрохами, развивает ему язык.

— Рано его допрашивать. Одной запиской язык

ему не развязать. Это преступник опытный. Он понимает, что ему грозит за убийство. И приду-мал самый подходящий мотив—ревность. И вешает себе на шею еще и участие в такой опасной шапке он не будет. Кроме всего прочего, тогда появится совсем другой, куда более тяжкий мотив убийства. Нет, если его не припереть к стенке уликами, он ничего не скажет. А у нас пока нет. Только записка. Этого мало. И ее надо приберечь. Но вот Гусев... Гусев... Что-то тут есть, что-то великое!

Они еще долго сидели с Вальковым, припоминая и обсуждая каждую деталь, каждый, самый мелкий факт в этом запутанном деле.

Потом Сергей говорил с Борском. Потом вышел в одно из почтовых отделений к Лерovu. Тот по телефону сообщил, что наткнулся на очень подозрительного агента. Тщательная проверка, однако, заставила отбросить это подозрение.

Вечером Сергей, усталый, вернулся в гостиный. Получая у дежурной ключ от номера, он спросил:

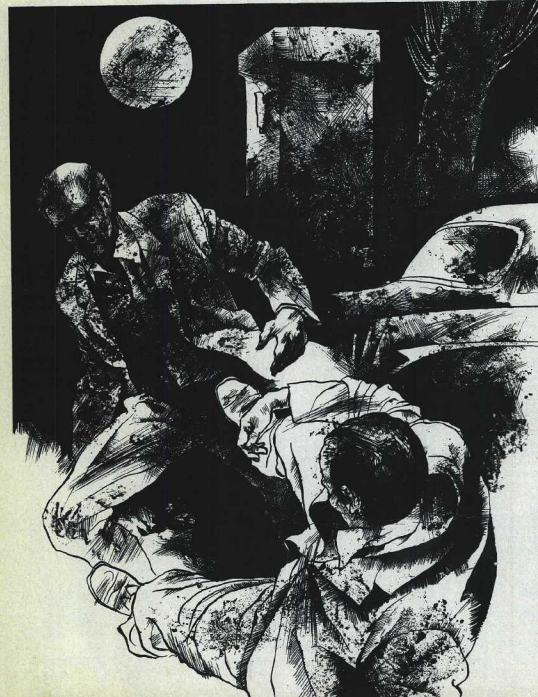
— Я тут оставил записку. За ней не приходи!

ИГОРЬ БЕЛОВ

СТЕНД

Арнакий АДАМОВ

ПОВЕСТЬ

— Приходи, приходи,— подтвердила та— Женщина каяла-то. Вы ведь не написали, кому именно отдал.

— Не знала, кто придет. Да и не важно,— махнула рукой Сергей.— Получила и адью. Спасибо.

Он прошел по коридору к своему номеру и открыл дверь. Зайдя, Сергей внимательно осмотрелся. Нет, как будто никто сюда без него не ходил, за исключением Лерова, конечно. Ее слова были все валиди: числа непонятны, туфель под кроватью не видно, они, конечно, загнаны к стенке, кресло около стола сдвинуто в сторону.

Теперь не мешало ни ударить омы за другим изнутри письменного стола и убедиться, что все там в порядке, и даже листок бумаги, как бы случайно попавший так, что его нельзя ни сдвинуть, если на самом деле. Затем Сергей вынул из ящика дощечку до содержимого ящика, и тот лежал совершенно ровно. Затем Сергей вынул из ящика и убедился, что и туда никто не заглядывал.

Он закрутил и подошел к окну.

Сергей размышлял. И так, записка получена. Интересно, что она принадлежала Лерovu. Ведь встретиться же необходимо. Это они понимают. И опасно, очень опасно для них, это они тоже, конечно, понимают. Как же они организуют эту встречу? И как они ее обставят, как обезопасят себя? И как поступить ему, когда встреча произойдет? Задержат? Это ничего не даст. Их придется тут же отпустить. Если, конечно, не придет сам Юсиф.

Он опознать Трофимова. А других никто не опознать. Например, Карима, Рожков опознать его не будет, а больше никому. Да, их придется сразу отпустить. И как их задержать? Хорошо, если придет один человек, ну, два. А если больше? И встретит они устроит, конечно, выследит, как удобно им. Отказаться! Но тогда ничтога будет оборвана. Ну, нет. Он все-таки потянет за эту ничтогу, а там будет видно, кто на ее конце. И надо быть ко всему готовым, к любой хитрости. Они ведь тоже боится. Вот, например, позвонит сейчас телефон...

И, словно подслушав его мысли, на столе резко и неприятно зазвонил телефон. Сергей вскрикнул и торопливо подошел к столу.

— Слушай,— произнес он как можно спокойнее.

— Сергей Павлович? Добрый вечер. Это Мальцева, из газеты. Так вы уже дома?

И Сергей с несомненным объяснением ответил:

— Дома. И вы можете встретиться, если хотите. Мой номер триста седьмой.

Он совершенно забыл о звонке этой Мальцевой и потому был с ней сейчас особенно любезен, видимо, из чувства раскаяния: обещал и забыл, это уже никуда не годится.

— Спасибо, я выезжаю.

Голос женщины, как и в первый раз, звучал змертво, бесславно, даже обрадованно.

Сергей подошла трубку и огляделся. Как будто все в порядке и можно принимать прессу. Он усмехнулся. Сидящим мимо стулья вокруг его персони. Неудобно даже. И отключаться неудобно. Но он же в конце концов не знаменитый артист и не ученый, не лауреат. Он слышит. И ему совсем не нужна такая популярность. Кому надо, узнают о его приезде и без газет. Посладеет махля, заставит его снова усмехнуться. Интересно, о чем будет спрашивать его эта самая Мальцева? Зачем он приехал в Ташкент? Или где он родился? Кто его родители? Почему он выбрал такую профессию? М-да. Как на все это отвечать? Чего знает тот Ну, выдумали бы лучше своего Шерлока Холмса или комиссара Мэтра и наворачивали бы на них чего хотят. А живых смельчак оставшая бы в покое. Мало у него забот, так теперь им, дурачком, что отвечать на эти надменные вопросы.

Сергей, разгудав по комнате, досадливо закурил и снова подошел к окну. Вид оживившей площади, мальчишек отряп там неожиданно поистовнели на него усмехавшиеся: «Аджо,— рещна си,— как-нибудь уж выпутаюсь».

В дверь неторожко постучали.

Сергей поспешно открыл ее, успев по дороге захватить свет, и комнату стало уже совсем темно.

На пороге стояла высокая, смуглая молодая женщина в легком бежевом пальте с коричневой отделкой на длинном ремешке через плечо. Сергей отлетел про себя независимый и в то же время смущенный взгляд ее черных глаз.

— Можно?— улыбающийся, спросила она.

— Да, конечно. Я вас жду,— торопливо ответил Сергей.

Женщина была очень хороша собой, и это несомненно скрывало его.

— Присаживайтесь,— сказал она.— Вот на диван. Иди к столу. Как вам удобно.

— Спасибо! Я вот сюда сяду.

Она опустилась на диван возле круглого столи-

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

ка с огромной хрустальной пельменей посредине.

— Сейчас начнет запинаать каждое слово! — с беспокойством подумала Сергей.

— К сожалению, я ничем не могу вас утешить, — вдруг сказала он, сам огорченный этим отрывком.

— Кто ты был? — засмеялась Мамычева. — Имейте в виду, во-первых, это вы и нас в гости. А во-вторых, я пришла по делу. Кстати, мне зовут Алла Георгиевна — это если вы захотите обратиться ко мне по имени.

— Наверное, забыли — угадывает Сергей.

— А вы раньше бывали у нас в Ташкенте?

— Нет, и очень жалею.

— Как же так? — удивилась Мамычева. — Вы же много приезжали сюда.

— Немаю. И где только не побывал! Вот вы знаете, например, такой город...

Сергей незаметно встал в разговор и скоро сам ушел, рассеваясь по городу, да довелось ему побывать и там, оказывается, не была его собеседница. А заодно он уже незаметно рассказывал о делах, которые привели его туда. Дела, как всегда, были сложные и запутанные.

— Но вдруг, ослепшись на полуослепо, Сергей смущенно сказал:

— Я, пожалуй, напрасно вас все это рассказываю, потому что это не стоит писать. Работа у нас... как бы это сказать...

— Перестаньте — сердито возразила Мамычева, и красивые глаза ее нахмурились. — Как вам не стыдно!

— Я уже угадываю, — сказала Мамычева.

— Вы меня не так поняли. Я не стараюсь своей работой. Я но горжусь и считаю весьма нужной работой. Но мы имеем дело с такими человеческими пороками, с такими неизменяемыми чувствами и призывами, с такими неизменными чувствами и призывами, что, вероятно, незаметно падают в них людей. А без этого нет и нашей работы. Идти вы видите неправду, красивую такую, ровную неправду.

— Но что вы говорите! — запинаясь воскликнула Мамычева. — Во-первых, Достоевский, например, порочил людей на дилетантов!

— То Достоевский, и к тому же так далеко вперед. Впрочем... Сергей помолчал. И, выходя из комнаты, согласен. Темна преступление и наказание вечная тема. Как человеческая совесть, как жажда справедливости, как стремление к счастью.

— О, да, вы философ, — засмеялась Мамычева. Сергей нахмурился.

— Просто я устался. А если говорить серьезно, то о нашей работе, конечно, следует писать, правильно писать. Чтобы кого-то предостеречь, чтобы сдаться людям, а именно в борьбе со злом. Вот так я понимаю задачу.

— И еще расскажите о людях, которые такую борьбу ведут, — настоятельно добавила Мамычева. — Мне очень важно. Спасибо, спасибо, нужно, благодарю. Имейте в виду, рассказ о людях и их борьбе всегда впечатляет больше, чем простые рассуждения об идеях, принципах, морали.

Она внимательно посмотрела на Сергея и вдруг спросила требовательно и деловито:

— Откуда у вас этот шрам на щеке?

— Этого — смущился Сергей, незаметно дотрагиваясь к щеке. — А знаете историю. Мы рассказали одно дело. Давно. Я тогда работал в МУРе.

Дело это получало у нас шифр «Черная молва». Потому что все началось с одной меховой фабрики.

Сергей, продолжая рассказывать, затушевал.

Мамычева слушала, подперев ладонью щеку, но потом тоже выгнула сигарету из пачки и, сядя с Сергей, гадая, закурив. В ее взгляде Сергей почувствовал такой напряженный интерес, что незаметно подумал: «Почему она так слушает? Может быть...»

— О не догадую до конца, сам увеличился рассказчик. Он вдруг так ясно вспомнил те давние события, и они раздалась «Собором», и занесенный светом покоем Сходня, и то подаде письмо, и много, много другое.

— Когда он закончил, Мамычева решительно обратилась к Сергею.

— Вы умеете рассказывать. И с вами легко работать. Читатели с ходу проглатят этот материал, имейте в виду.

— Это было, кажется, любимое ее выражение. Сергей усмехнулся.

— Вам так кажется. Просто я...

— Нет уж. — Она приподняла руку. — Можете мне поверить. Вы знаете все дело, а я свое.

— Это верно, — согласился Сергей. — Не смею спорить.

— Еще один вопрос, — сказала Мамычева. — Страшновата у вас работа, надо признать. Неужели и в Ташкенте с вами может случиться что-нибудь подобное? Или с вашими товарищами?

Ведь вы не случайно приехали к нам, признайте?

— Конечно, не случайно, — снова усмехнулся Сергей. — Но все в конце концов не так страшно. Я, очевидно, ступил крапки. А Ташкент — чудесный город. Хотя я даже не успеваю его как следует посмотреть. — Он решил уйти от этой нежелательной темы, но Мамычева рассматривала пока не удовлетворенно. — И скажу вам откровенно, мне чертовски хотелось бы понасть еще в Самарканд. Ведь я почти родом из него!

— Да, это удивительный город. Там памятники тысячелетней культуры. Алая дуга туда со всех концов света, чтобы все это увидеть хоть раз, — настоятельно проговорила Мамычева. Она как будто не замечала, что Сергей ушел от темы их разговора, и она даже в Ташкенте рассматривала у нас. Знание, что? — Она вдруг оживилась, и большие красивые глаза ее заблестели. — Вы можете быть свободным поселенцем вечно!

— И что тогда? — угадывает Сергей.

— Тогда вы увидите... Это даже больше, чем памятники старины, имейте в виду. Вы увидите душу народа, его характер, его обмачи. Хотите?

— Охень.

— Простите, — Она загадочно посмотрела на Сергея. — Тогда... мы пойдем с вами на свадьбу. Поселенца. Договоримся!

Сергей засмеялся.

— И тогда, — на этой свадьбе, на которую меня приглашают. Неужели в Ташкенте так часто свадьбы?

— Вас уже приглашали? Куда же?

— Я познакомился с одним замечательным стариком, очень трудной фамилией. Сейчас я вам скажу. Сайилов, вот так.

— Значит, на свадьбу Амана Турсунова? — Она всплеснула руками. — Так и я вас туда зову. Я пришла к отце. И мы подружимся. Это их халва сиралавет.

— Я второй раз слышу это странное слово.

— Это очень важное слово. Вы потом поймете.

— Знаю, что вы говорите!

— Ровню, — весело подтвердила Сергей.

— А на свадебную тему он обнаружил под дверью записку: «Будь на свадьбе Турсунова».

— В городе Сергей первым делом отыскал Валькова и попросил перед ним записку и многозначительно сказал:

— Прочи-ка.

— Вальков не спеша вынул охотку, пробежал глазами записку и, усмехнувшись, посмотрел поверх стекла на Сергея.

— Выходит, второе приглашение получаем?

— Третье, — задумчиво поправила его Сергей.

Видно, одно получало у нас Мамычева.

Он рассмеялся о немте Мамычевой.

— И наутро после ее ухода появилась записка. — Сергей испытующе посмотрел на Валькова.

— Ты тот? — усмехнулся Вальков. — Мы эту журналистку знаем. Она действительно о Турсунове писала.

— Это еще не довод.

— Конечно. Но мы же ее знаем.

— Что же, бываю и совпадаю, — пошла плачем Сергей.

Но про себя он все отметил поведение Мамычевой, ее попытку узнать, чем занимается Сергей в Ташкенте, наконец, ее приглашение, послать короткую записку Валькову.

— Ма-а, — задумчиво прогнусил между тем Вальков, снимила охотку. — Значит, они расщепляются встретится с тобой там.

— Не сомневайтесь, что я. А вот тебе, Алексей Маркович, дати туда везься, хоть и пригласили. Спущите. Тебя ведь все знают.

— Пожалуй, что так. А если еще ты за меня извиняешься, скажешь, что я не тот, или репут, что ты нарочно от меня отдалась. Ведь раз они узнали, что приглашен ты, значит, знают, что и я приглашен.

— Ты больше от кого они узнали.

— Только одному тебе, я думаю, дати не следу-ет. Мало ли что, — продолжал Вальков, явно игнорируя последнее замечание Сергея.

— А моя дама? — насмешливо осведомился Сергей.

— Ну, дама не в счет, — усмехнулся Вальков. — Пусть-ка еще Мурат пойдет. Он у нас ладово, его мало кто знает.

— Это бы неплохо. Но его даже не приглашали.

— О, мой друг. Не знаешь ты узбекской свадьбы. Давно раз к каждому зовут. И будет на ней человек счастлив. Иди разбей, кто кого пригласил.

— На том они и порешали.

— Теперь так, — сказала Вальков. — Только что звонил Лерев. Он в райотделе. Еще один адрес подождити нашла. Ты поезжай?

— Обязательно.

— Ну, как хочешь. Возможно, опять не то.

— Все равно поезду. Что у Ибодова?

— Не знаю. Он остался в отделе Борисовых. Половина уже отелася по разным причинам.

— Остался самое трудное, — покачала головой Сергей. — Ему надо дать кого-нибудь в помощь. Судя по тому, что я знаю, Ибодов, Минимум трех-четырех человек дайте.

— Дадим.

— Ну, все. Я поехал.

И снова курьеза Сергей по улицам Ташкента, увидев, как влюбилась неприничной восточной простотой и своеобразным типом лица их.

Солнце было ясным и жгло с неистовой яростью. В машине было немое дышать. Раскаленный ветер, врывающийся над опущенными стеклами, не приносил ничего, кроме шума. Сергей вынул из рубашки на спине прищипку от пота, края шпестятой кобурты врезался в бок под пальцами, словно не понимая, что пиджак ситя вельса. Сергей только заглянул в карман пальтук и расстелла ворот рубашки.

Отдад минации распологана на титкой малолюдной улице по дворе старого и массивного дома, как видно, не тронутого землетрясением. У ворот стояла машина и мотоцикл.

Сергей прошел через двор, миновал дежурную часть и в своем кабинете встретил капитана.

Распаренный от жары, тот сидел в одной рубашке с закатанными рукавами, повесил пиджак на спинку стула, и беседовал с незнакомым капитаном минации, подругиваясь в форменном кителе, с пальтуком, на смуглом его лице не было видно ни капли улыбки.

Когда Сергей зашел, оба встали, и капитан представился:

— Старший инспектор уголовного розыска Расулов.

— Мы тут обдумываем, Сергей Павлович, как к этому адресу подбраться, — сказала Лерев и указала на откровенную строчку в длинном списке, лежащем перед ним, потом тыльной стороной ладони указала на строчку: «Абдулла, слово неправдливо». — Охень, сегодня ж...

— Ну, давайте обдумывать вместе, — предложил Сергей.

Пока они беседовали, в комнату то и дело заглядывали сотрудники. Они знакомыми с Сергеем, и при этом каждый стремился чем-то занять, решить его в своей работе, обратить внимание на что-то, иной раз пожелавшая на какую-нибудь неурядицу, иной раз чем-то привлекательной. Это было разное, но все же, в основном, доброе. Сергей встречался с приехавшим из Москвы своим коллегой.

Один сотрудник рассказывал, как раскрыл недавно хищную руку из магазина, такую хищную, что негодая еще, каверное, никому не встречался.

Другой упомянул о группе подростков, арестованных за дерзкое хулиганство, и возмущался неведением окружающих взрослых, ведь давно уже было известно, что ребята этими что-то неладиво.

Третий сотрудник утверждал, что извещений прика за номером таким-то в их условиях выполняется очень трудно, тут нужны коррективы, и став делового, наконец перечислил их, забыв на пальцах имена молодых, забываясь, добавлял, что давливый общему настроению, вдруг сказал, что вчера арестованная за спекуляцию девушка попыталась переслать письмо, и он ее задержал. Но это тоже письмо, что просто жалко, если оно не дойдет.

Сергей, угадывающий, спросил:

— Где же это письмо?

— А вот, — отвечала лейтенант и достала из пачки меткий, сложившийся ветоерь листок.

Сергей, пробежал глазами первые фразы, собравшись уже было вернуть письмо, как вдруг одно неожиданное слово заинтересовало его, и уже с нарастающим интересом он продолжал вытпывать-ся в перьях, бегущие сверху строчки. Сергей читал:

«Здравствуй, дорогой!

Ты так и пришел в тот раз и не написал. Но я все поняла. Кто же разве имеет значение, кто переслает письмо? И ты уходишь, и я вспоминаю тебе и пишу. Я отнюдь не была тебе нужна. Но меня это уже не волнует.

И теперь понимаю, что такое твои друзья, твои родные и т. д. Равно вы можете видеть просто людей? Вам понятно только слово «любовь». А когда денег нет, я встала в душе ничто не остается. Вот теперь я тоже стала такой. И за тебе, за других я сидеть не буду. Я ввм все отомщу за свою прощанную жизнь. Но ты уходишь. Но ты уходишь, и я думаю за все отомщу и всю жизнь потом буду честно жить. А быть с вами — это значит все

11

онстантину Ивановичу Бескову идет сейчас пятьдесят первый год. Тридцать три из них прожиты в «большом футболе». Сначала игроком, потом тренером. Он дебютировал в высшей лиге семнадцатилетним мальчишкой в 1938 году. Сам Бесков сейчас считает, что и тому времени он имел уже десятилетний футбольный опыт, так как начал гонять мяч раньше, чем пошел в школу. Когда ему было тринадцать, его способности, проявленные на соседнем пустыре, были замечены: пригласили в пятую взрослую команду завода. В пятнадцать лет Коста Бесков — уже форвард первой команды «Шахтинполитхимника». В шестнадцать — центральный нападающий и капитан детской команды Таганского парка культуры и отдыха, которая стала тогда победительницей в турнире парковых коллективов Москвы.

Он прошел в футбол завидный путь и, казалось, в избранном деле достиг всего. А он вдруг говорит:

— Иногда мне приходится жалеть, что я не музыкант: тот играет всю жизнь, но никогда не проигрывает.

Те, кто знаком с Бесковым, знают: не тот у него характер, чтобы можно вынудить сдаться. Такого люди умеют «сохранять лицо», отчего даже на проигрыш выглядят не столько победой соперника, сколько случайной собственной оплошностью. Поэтому его неожиданное признание удивило. Он пояснил:

— Уж очень много туманов я имел из-за футбола.

— Да что же вы любите футбол?

Константин Иванович ответил не сразу. Не потому, что мой вопрос поставил его в тупик или ему хотелось дать ответ помедленнее. Видно, его чувство к футболу было настолько естественно, что объяснить и мотивировать его казалось излишним.

— Футбол очень замкнут, — сказал наконец Бесков, — он захватывает единоборством смелости, ловкости, находчивости. С каждым годом эта игра становится все интеллектуальнее, техничнее.

Язык футбола интернационален. Правила его просты и понятны даже неспециалистам. Поэтому футболист может высказывать свою юрчицкую, свое понимание игры перед любой аудиторией, в любой стране, были бы поле, мяч, соперник и зрители.

Все это так, но ведь спортивный диалог ведут между собой игроки. А вы? тренер. Значит, ваши эмоции, ваша доля участия в игре иные. Они не могут походить на чувства, которые испытывают футболисты и зрители.

— Как сказать! Часто я ловлю себя на том, что проигрываю на себе тот или иной момент встречи. Непроизвольно ставлю себя на место футболиста, который находится на поле. К тому же игроки и тренер взаимосвязаны и взаимозависимы. Вместе они определяют лицо команды во плерч.

Помните, как в начале прошлого хоккейного сезона в ЦСКА заменили старшего тренера. Четырнадцать лет Тарасов руководил армячатами. Менялись поколения хоккеистов, а в команде все равно просматривался один и тот же бойцовский характер. Это шло от личности самого Анатолия Владимировича. Когда его освободили, я сказал, что для ЦСКА это добром не кончится. И не ошибся. Игроки остались прежними, но команда стала иной.

Понимаете, тренер — это не только опыт, знания, это еще и психология, образ мышления, характер, который так или иначе проявляется в игре команды.

Ну, а что касается внешних впечатлений, то, помимо, тренер — самый придирчивый и самый искушенный зритель. В прошлом сезоне московское «Динамо» провело около шестидесяти матчей; в первенстве страны, в борьбе за Кубок СССР, международных. Только 10—15 встреч доставили мне удовольствие. Остальные не получились, хотя некоторые и принесли очки.

— Вы часто называете футбольный матч зрелищем, говорите о его эстетической ценности. Если дальше продолжить эту параллель с театром, то и какому виду спектакля вы отнесете футбол? Что важнее в нем: мудрость и чуткое наставление (театр режиссера) или исполнительское мастерство игроков (театр актера)? Как найти точную дозировку того и другого, чтобы добиться оптимального результата?

— Сравнение с театром можно принять только условно. Потому что в каждом футбольном матче разыгрывается свой спектакль. Даже хорошо отретированные тактические действия не всегда удается осуществить в игре, нельзя предсказать ход событий и результат. Развитие его сюжета необычно и остро, а кульминация и развязка порой так неожиданны, что заставляют говорить о себе десятки лет спустя. Наверное, именно поэтому у футбола столько поклонников, что он всегда иной, не повторяет самого себя.

— Что главное в нем? Конечно же, гол — самая высшая точка борьбы, ее завершение.

МОЯ ЖИЗНЬ

— А все же кто в футболе главнее: тренер или игрок?

— Все зависит от результата. Победу команда приносит игроки, главные виновники поражений — тренеры.

— Вы шутите, а в серьезе...
— Я-то шучу. Но, к сожалению, точно так обстоят дела и в серьезе. Кого первым освобождают от работы в случае неудачного выступления команды? Тренера. Тут и клубы к Федерации фут-

бола единодушны. Посчитайте, сколько наставников сменилось за последние восемь лет в сборной страны!

— И все-таки кто же главное действующее лицо в команде? И не случайно спрашиваю об этом именно вас. Вы долго были футболистом, семнадцать лет назад стали тренером. Вам легче сравнить работу тренера, точно так же, как и игрока по одному и тому же вопросу не совпадают? Искать или по-разному оценивать одну и ту же ситуацию, словосочинения на поле, соответственно принимать несовершенство решений?

— Значит, за кем-то должно оставаться право последнего слова. Кто-то должен осуществлять диктат, а кто-то подчиняться. Но кто? Игроки или тренеры могут считать себя правыми? Не нравят ли эта ситуация противникам, которые явно или даже выйдут наружу, ии...

— Будет и такое. И я не стану утверждать, что во взаимоотношениях игроков и тренера всегда все гладко. Тем не менее их отношения чаще всего основаны на взаимопонимании, а не на диктате. Я уже говорил, что наставник и его подопечные взаимозависимы. Каждый приносит в успех команды свое дело.

Я, как и любой другой тренер, должен вовремя уловить тенденции развития футбола, заранее предугадать, куда он пойдет в будущем, כדי своевременно подготовить команду к возможным новинкам. С другой стороны, используя свой опыт, знания, интуицию, наконец, в обязан полном спортивному правильно распределить силы, возможности, мастерство в текущих встречах.

Всегда ли я оказывался прав? Конечно же, нет. Никто не застрахован от ошибок. И все-таки опыт и знания дают тренеру право решать, нам должно готовиться команда, как ей играть в течение сезона или в одном матче, какой игровой схеме отдать предпочтение. Но решение тренера никто, если оно не подкреплено мастерством и волей игроков.

Пеле всегда считали идеалом нападающего. Но вот в Мексике оказалось, что когда нужно, он может 50—75 процентов своих действий отдавать обороне собственных ворот или организации атак. Все зависело от матча, от соперника, от требований момента. Пеле не пугался черной работы, хотя, казалось, он мог бы и познакомиться с футболом эффективных ситуаций. Тем более, что футбол по-прежнему красен атакой, забитым голем. И все-таки игрок № 1 мирового футбола истоя работал на команду!

Этот пример, по-моему, очень точно характеризует тенденцию в развитии современного футбола. Сейчас нужен игрок-универсал. И Пеле благодаря своему мастерству, трудолюбию, преданности футболу стал настоящим универсалом.

Много ли у нас подобный? Я говорю не об уровне Пеле (это уникаму, требовать, чтобы все играли так, как он, бессмысленно), а о тех, кто способен действовать примерно на равных как в нападении, так и в защите. А ведь каждый тренер хорошо бы видел таких футболистов в своей команде, да и все мы за то, чтобы коллективы высшей лиги комплектовались подлинными мастерами футбола.

Но ведь святая обязанность тренера — учить системной, шаблонной, искусственной... пошатать тактическую грамотность...

— Команда высшей лиги — игровой коллектив, а не учебный. Основное время уходит на соревнования, тренировки, подготовку к матчам. Непосредственно на отработку техники остается не так уж много часов. К тому же обычно в команду складывают уже сложившихся игроков, которые многое умеют и — что самое трудное для любого тренера — перенумовать уже сложившегося игрока.

— Повисите свое высказывание примером.

— Я не хотел бы разбирать чужую игру. Это сделать просто, но особенно этически. Лучше остановиться на московском «Динамо».

Возьмем Валерия Зыкова, нашего капитанского, стартового левого защитника. К его игре в обороне нет никаких претензий. Нелюбо он и в середине поля, где организовывается атака. Но стоит пойти вперед, в то время, когда впереди находится Фанкети забивает в каждом сезоне по 6—9 голов, что характерно для современного классного защитника.

— Ну, вы сравните! Фанкети — игрок экстра-класс, чемпион Европы...

— А как же иначе! Коротко триггер неудач советского футбола на международной арене. Зыков было бы сформулировать так: Фанкети играет в атаке лучше Зыкова.

Разумеется, пара эта выбрана условно. Но если в предстоящем розыгрыше Кубка кубков соперником «Динамо» окажется клуб из Европы, причина на условной сразу станет реальной. И так всегда. С той лишь разницей, что меняются фамилии игроков и названия команда. Мы любим искать причины поражений наших клубных команд в розыгрышах европейских кубков и сборной в современных рангом пошлых в случайности: в ошибках судей, в начальном промахе нападающего, непосредственно «зевках» вратаря, травме защитника. Но уверенность неустойчива: из года в год. Все банальнее и проще: наши соперники пока играют лучше...

— Ну, а если перенести нашу схему с международной на внутреннюю арену, то можно ли сказать, что в том элементарно ватше прошлого года «Динамо» играло хуже ЦСКА, что его поражение было предопределено заранее, даже когда оно вело со счетом 3:1?

— Можете заподозрить меня в необъективности, но я уверен, что в прошлом году наша команда выглядела лучше своих соперников и заслуживала первого места...
— И все-таки...

— Да-да. И все-таки проиграли. Только финальный матч оказался окончательный итог, а до этого возможны любые неожиданности и сюрпризы. Но я покрывлю душой, если скажу, что в тот раз не верил в нашу победу. Счет 3:1 и полное игровое преимущество гарантировали нам золотые медали. И, честно говоря, я до сих пор не пойму, почему некоторые наши игроки допустили вопиющее нарушение азбучных футбольных истины, которые им были хорошо известны и о которых мы не раз говорили. Реализовал эти «подарки было для армейцев делом техники...
— Но ведь каждая победа и каждое поражение в футболе это всегда нечто сложное и многоуменное или воспользоваться.

— Но ошибки не должны быть элементарными. Всякий раз диалог должен вестись на высшем уровне. Иначе проиграет футбол.

— Если у тренера в голове есть готовая тактическая схема, то прикрывает ее в большинстве случаев своим словническим игроком, со своим опытом игры и своим представлением о футболе, то естественно, тут возможны и ошибки. Стоит ли «погонять» спортсменов под задуманную тренером схему, не лучше ли строить на основе их индивидуальных способностей?

— Вряд ли из этого получится что-нибудь деловое. Набор ярких индивидуальностей еще не команда. Нужно научить их разговаривать на одном языке. И, конечно же, не забывать о самом талантливом игроке заскивается на скамейке запасных. Не вписывается в ансамбль — и все тут.

— Получается заповедный кургу: тренер не может отказаться от своей роли и от своей вилеры...

— Вышло есть. Набрала пополнение, мы заранее прикрываем, кто нам нужен, на какую роль, с какими данными. И хотя выбор у тренера обычно невелик, все-таки стараемся пригласить игрока, который по стилю близок к тем, кто в команде. Ну, а потом идет доводка.

Среди вопросов, которые и намеревался задать Басков, в этом паре все по положению хорошего нападающего. Но, видимо, они не могли ждать, пока его способности раскроются. Я мог терпеть три года. И теперь не жалко о потерянном времени. И, честно говоря, Зыкову не совсем обязан самому себе. Он умеет любить трудиться на тренировках и на матчах, любит учиться и отдавать себя футболу полностью. Мне с ним приятно работать. Когда он играл в нашем клубе, в критические моменты делал мне вымывочные предложения. Но он остался в «Динамо» и упорно учился, работал. Хочется, чтобы он не занялся, став кандидатом в сборную. Он еще может прибавить процентов на 20—30 к своей эффективности.

— Вы ждали три года, пока Зытров не забил в современном футболе. Видно, что вы ждали, что есть молодые пары, которых вы примеряете к команде 1972—1973 годов и, уже теперь, подводя итоги, собирались с требованиями будущего.

С заслуженным тренером БСРФ Константином Ивановичем Бесковым беседует специальный корреспондент «Смены» Леонид Пешаков

рекло, с необычайной для него застенчивостью: — Потому что бабдиг, потому и убий. Они вернулись в город.

А к концу дня причащались потный, зловонный супом. Он без стука ворвался в кабинет Сергея, да в это время была и Валька, и, задыхаясь, с торжеством объявила:

— Вспомни, Сергей Павлович!.. Это же Дина. Та самая. Можете проверить!... И они поспешно выстали из кабинета Сергея маленькую фотографию для паспорта.

Тут же принесли фотографию, обнаруженную в бумажнике Гусева. И сразу отпали все сомнения. Платил по повелению Лерова.

— Не зря же и целый год в полковой разведке служил, — скромно заявила Тоса, сияя от радости.

— Ну, брат, мы с тобой, выходи, колемали в образы былые, — улыбнулся Сергей. — Молодец не поспраив.

И в самом деле, Готта Леров сделал открытие чрезвычайной важности.

Мальцева позвала часов около семи. Так они устроились, и Сергей, в это время вырвавшись с работы пораньше, уже успел к тому времени поспать и переодеться. «Что там ни говори, — размышлял он — тебе ни есть плохо, ни с кем, а у людей свадьба, и к тому же у хороших людей».

— Сергей Павлович, будьте готовы, — деловито предупредила Мальцева, — сейчас за вами зайду.

— Всегда готов, — в тон ей ответил Сергей.

Ему было любопытно встретиться с ней и посмотреть эту необычную свадьбу. Но главное, хотелось записать... Она сейчас лежала дально, в его кабинете, в маленькой серой сейфе. Но она не выходила из головы, она все время напоминала: сегодня тебя дело, важно, важное, трудное, может быть, опасное. И от этой мысли Сергея охватывало нетерпение и срочная тревога тоже. Сегодня вечером многое должно решиться.

Мальцева пришла оживленная, даже радостная. На ней было красивое бортовое платье и перламутровый серпидонный воротничок. Сергей и незаметно отпустил ее. В руке Мальцева держала маленькую затертую сумочку.

В машине он спросил: что-нибудь об мне? — Ты уже написал, что-нибудь об мне? — Нет. Еще рано.

— Адайте сначала прочесть! — Прочитай.

— Это будет полезно, ты увидишь.

— Хорошо. А вы... расскажите мне, зачем пришла в Ташкент?

Он снова повела на себе ее взгляд, зоркий и, как будто, острый. — Что же. Но только позже. Перед самым отъездом, — ответила Сергей и многозначительно прибавила: — Я думаю, это тоже будет полезно.

Благодаря ему не возвращаясь к этому разговору. — Машиня серпидона на тизуру, белозолотую утку. Впрочем, она только в первый момент показалась такой, и такой она, вероятно, бывала в обычные дни. Но сейчас в дальнем ее конце выдвинулся автобус, толпачиваясь и издавая страшные, страшные, призывные звуки труб и флейты.

Мальцева остановила машину.

— Здесь мы выйдем, — сказала она и добавила: — Здесь же мое место сумочки.

Пока они шли к толпе, она объяснила:

— Это играют музыканты. Они оповещают толпу о свадьбе. Старик уже уехал в дом везенье. Там там все будет как свадьба. Старик побудет там час-полтора, поедат, побеседует, но ни какому не выпустит. Так положено. Их приезд означает, что все делается серьезно, solemnно, без всякого легкомыслия. Мы придем и после короткого отвлечения за жениха. Можете отпустить дочку и не бояться за нее. Вот что означает приезд старика. А сейчас музыканты созывают друзей жениха. Мы придем в три часа. — Можешь ехать, тебе жутко и интересно поглядеть. И тогда за невестой поедат жених и его друзья.

Мальцева говорила торжественно, черные глаза ее блистали блестями, а в тоне звучала откровенная гордость.

— Но такая огромная свадьба! — сказала Сергей. — Как может она себя справиться?

— Нет! Мои Семья жениха только встречает гостей, занимается. Мальцева... Все организует махала.

— Да что же такое в конце концов эта махала! — удивленно спросил Сергей.

— Махал! Как вы нам объясните... Это крепкое, дружеское объединение живущих по соседству, в одном квартале людей. Самые разные. Все вместе и в беде и в радости. Вы представляете, что это такое?

— Да, представляю. Это удивительно.

— Имеете в виду, здесь живут и самые простые

и самые известные люди. Я вас поздравляю. Знаете ли, я думаю, народный праздник, праздник с шекотливого комбината, водители такси. Вы увидите. Они все будут на свадьбе. Это не только дело, это потребность. Они сами себе не придут, если не придет. О, вы сейчас все увидите!

Сергей с любопытством посмотрел на свою спутницу. Смуглое лицо ее раскраснелось от волнения и стало сиять прекраснее. И он при себе своей радости и радости оттого, что ему приятно идти рядом с этой женщиной.

Он приблизился к толпе.

Нарядные женщины в пестрых шелковых платьях и юбок, девушки, озорничавшие между собой по-убежски; мужчины, тоже предельно бездельные, слушающие музыкантов или степенно беседующие между собой; но больше толпились молодые девушки в красивых, ярких, пыльных, веселые и в то же время как-то по-особому содержательные и торжественные. «Друзья жениха», — думалась Сергей. — Готовятся ехать в дом невесты. Тут же нетерпеливо крутились ребятишки, тоже возбужденные, охрипшие от крика, скупа опьянение от важности и торжественности нависающего события.

Сергей не дожидаясь проорался старик Саймон. Сергей не сразу понял, что он разбегался у него глаза, так он сам был ошеломлен всем происходящим, шумом, весельем, светлой и возбужденной, принашим вокруг него.

«Сергей, — думалось ему, — торжественно приветствовал его, выразил радость и благодарность за то, что московский стиль пришел на эту свадьбу. К его словам прислушавшись окружающие».

Сергей, улыбаясь, тоже прижал руку к груди и в свою очередь, поблагодарил за приглашение и сообщил, что Валька, к сожалению, прийти не смог и просил передать извинения. Саймон важно кивнул в ответ и, сославшись на свои обязанности, отошел.

А через минуту только слегка тронул Сергея за локоть. Он оглянулся и узнал в толпе Ибодова. Тот, как и прежде, был одет в костюм. Встретившись на них встретились, и Сергей тут же затиснул кинушу ему в руку.

В это время музыканты заиграли с новой силой, и молодые люди в белых рубашках устремились к автобусу.

— Старик вернулся, — шепнула Мальцева. — Поидите.

Он снова вынырнул к дому жениха. — Так там, в просторном дворе, была уже расставлены буквой «П» длинные столы. Недалеко, возле кухни, над пыльными костюми висели зеркала, золотые котлы, от них тянуло острым, приным запахом. Вдоль стола была поставлена высокая, гладкая ребятишки, строгие и озбоченные парни расставили по столам посуду, закуски, бутылки с вином. Многочисленные гости толпились возле ворот и на улице.

Все ждало возвращения жениха.

Сергей с интересом оглядывался по сторонам. Да, на такой свадьбе ему еще не приходилось быть. Сколько древних народов и народности несут в себе эти обряды и как глубоко они связаны с сознанием людей! И, заражаясь общим волеием и радостью, газелют на все это ребятишки, шнытающие торжественность и важность происходящего вокруг. Как же, такое событие! Свадьба Павлова на всю жизнь.

Сергей наклонился к стоявшей рядом Мальцевой.

— У вас тут должны быть очень крепкие семьи.

— Они, улыбаясь, кинула ему.

— Конечно. У нас редко разводятся. Нельзя не оправдать доверие махалы. И она не позволяет. Истории, что она уже встречала старика здесь. Это у него воспитано с детства. Поидите! — Она выдал Сергея за руку — Я вас поздравляю с отцом и матерью жениха.

— Ну, конечно, пробираться сквозь толпу.

Высокий, стройный узбек в темном костюме и галстуке показался Сергею совсем не старым. На толком, без единой морщинки, бронзовом лице ничего не было заметно, ни выразительные, живые глаза только под красиво расшитой тюрбанкой а черных волос сербались седина.

— Хайдар Турсунвич, вот наш московский друг, познакомились, — сказала Мальцева.

Узбек поточкался с деловитым, озабоченно руку к груди, затем представил стоявшего рядом с ним немолодого узбека:

— Уважаемый Максуд Кадыров. Лучший водитель в городе. На красной доске ассета. Два плана принозит.

Сергей снова обменялся рукопожатием.

«Со стариком Саймоном работает, — подумал он. — Тут рабочие, наверное, много таксистов».

Потом Сергей познакомились с матерью жениха,

потом с дадеи, с соседями. И такая атмосфера чуткого, приятного, внимания окружала его, что через несколько минут Сергей был даже убежден, что будто он давно знает этих счастливых людей, давно и крепко дружит с ними. С одним он горько обжидаясь ностальгией Ташкента, с другим — достоинством и силой характера. Сергей был так поражен, что в это время было Мальцева, она время от времени обменивалась взглядами, улыбками, какими-то словами с Сергей подобно, что правится ей, и сам столько любил ее. Однако во время его не покидало ощущение, что она ждал, что она наконец разоткровенничается, когда раскажет, зачем пришла в Ташкент. И он незаметно ловил себя на том, что старается заглянуть в нее, она разговаривает, как держится с этими людьми.

Но, конечно, не она вынуждала ему тут встречу. Пусть Сергей не покидало чувство тревожного ожидания, что непременно случится что-то, что своей открытостью, проницательностью, что ли. Ведь на этот раз не она набила глаза на интересовавшего его человека, а этот, пока ему незаметный, опасный человек набила глаза на ним. Впрочем, за Сергеем наблюдала мимика, но не в дело вошла на себе альбомные взгляды. Видно, уже все присутствующие знали, какой необычной была их встреча. И Сергей невольно в это время казался, что среди этих взглядов один, направленный на него, оживленный, следит за ним неотступно и враждебно. Это чувство не давало ему покоя, заставляло во время бытия в напряжении. Он незаметно отпустил руку окружающих его людей, стараясь угадать, — не удавалось.

Неожиданно на улице снова заиграл оркестр. Толпа разошлась, началась расступиться. И Сергей вдруг увидел, что впереди него, улыбаясь, медленно проходила серая, украшенная гирляндами цветов и зелени «Волга». За ней показался автобус.

— Приехали! Приехали! — рыскалось по толпе. — Это тот же старик Саймон. Мальцева сказала Мальцева — Костер — это... тепло было жить молодым, огонь — это семейный очаг, это любовь в доме.

Дальше Сергей раскраснелся, показалась высокая, красивая юноша в белой рубашке с галстуком, за ним маленькая фигурка девушки в длинном белом платье с охапкой цветов в руках, которая она прикрывала лицо.

Сергей с интересом и озабоченным тугой толпы жених бегом подала свою подружку и агито пошел ее на руках к дому.

Толпа двинулась вслед за ними.

Женщина в белом платье и ее горе на протянутых проводях ярко горели лампочки.

Гости с шумом стали расщипывать за длинными столами. Маленькая невеста пошла руку с женихом, обходя столы. Вдоль стола стояли, поджидая всех белой газовой флейты, пропел с шумом тосты.

И началось веселье. Но друзья жениха, строгие и торжественные, продолжали обслуживать гостей, раздавать блюда, открывать бутылки. В стороне, за изгородью пылающим, полами котры и суетились женщины.

Торжественную речь сказал по-убежски самый уважаемый член махалы, местный писатель. Мальцева в это время была уже в автобусе.

Потом повисла обреченность, паника. Из-за столов выходяли то друзья жениха, то подружки невесты, и отпавая, михая паника парней смешиваясь с паникой и раздумием толпы девушек. Да и сами музыканты, захваченные обидой, весельем, составились между собой, обходя столы, и гости бурно аплодировали им все.

Сергей и Сергей подошли к дому жениха. Разносили их все новые и новые букеты. Большинство из них Сергей пробовал впервые, и соседя напереворот потчевал его. Казалось, все уже переизнакомилось с ним, все стараясь выказать ему свою дружбу и внимание.

Неожиданно Сергей ностальгически. До него доносился громкий разговор двух парней, сидевших недалеко. Один из них, толстый, потный, с жером шкурки, в своем пригласе, молчал, разжевывать по паренку:

— Хотите заработать, салага! — сердито перебил рыжий, и на бледном лице его проступила краска. — Любюв тут был.

— Ты же добрый, почему же не спишь? — сказал А она у меня обреченная. Ей подруга не надо, а я знаю, какие! Потому что я вижу и не спрашиваю, кто и зачем. И помолучу, что вижу. У нас в парке ко-кто, если хочешь знать, тоже дела додел.

— «Дева»... — слышались протяжные рыжий. — Сегодня — дела, а завтра — но... Он сложил пальцы. — Небо в клетку. И плакала тут обреченная. И подругой ей носить другие будны. А те еще она

Жан-Пьер АЛЛЕ

Вмывают звери, которые смеются, плачут, пьют (не только воду), удавляются на медовой месяц, перевязывают свои раны, вырывают себе большие зубы, употребляют слабительное и зарабатывают на жизнь как дровосек, строителю, возница, писемосцы, актеры, контрабандисты...

Большинство из этих привычек и занятий свойственно слонам. Не случайно во многих странах Востока — в Индии, Бирме, Таиланде, на Цейлоне — слоны издавна считались чем-то вроде человеческой разновидности. Исследователи утверждают, что индийские слоны более послушны и интеллигентны, чем его африканский собрат. В Африке слоны часто называют «тембо». Это слово из языка суахили звучит, как удар в барабан, и смысла его весьма увлекательный, даже почитительный. Без особой натяжки можно сказать: гражданин Тембо...

Несмотря на то, что африканский слон с трудом поддается дрессировке, древние египтяне за 3500 лет до н. э. сумели приручить его. Позже карфа-

генцы и римляне приобщили слонов к военным делам и галдяваторским сражениям. Примерно три столетия тому назад мои весельчаки-соотечественники выучили первого же слона, попавшего во Францию, махать хлебом с супа и выпить за день шесть кварт вина. Доблородные британцы научили своего первого слона есть булочки с изюмом и носить в спине детей.

Особенно эффективной в дрессировке слонов оказалась музыка. В 1798 году в Парижский ботанический сад была доставлена пара молодых африканских слонов — Ханс и Парки. Запасная марши они поднимали свои хоботы и в точности подражали звукам трубы, однако при исполнении симфонической музыки сразу же засыпали...

* * *

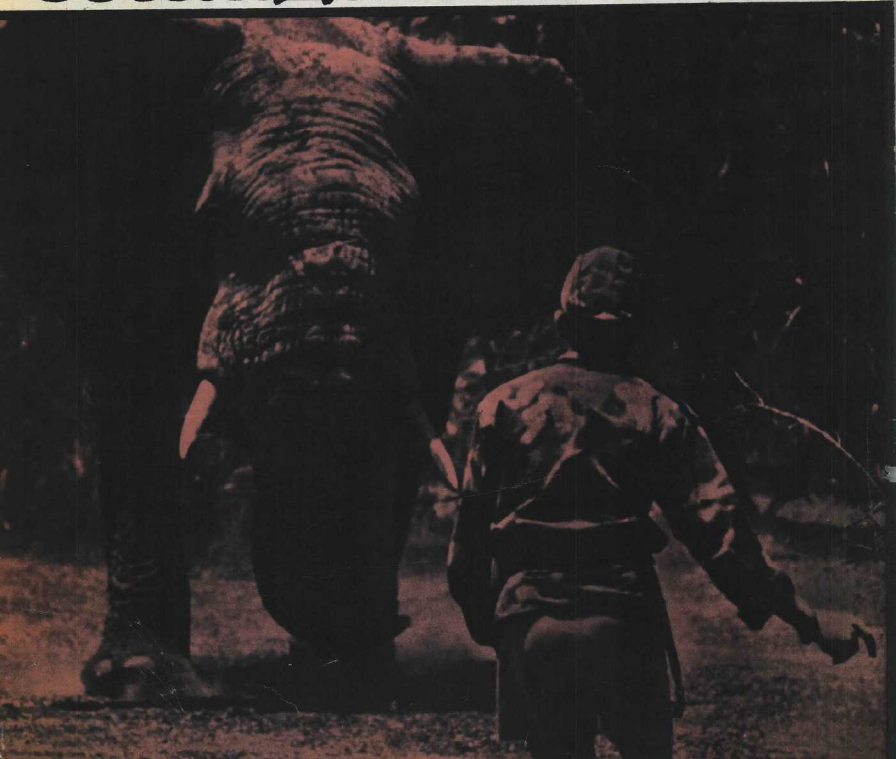
Эти удивительные животные очень интересуют меня, и прежде, чем написать свою «Книгу о зверях», я долгое время жила в Африке, наблюдая

за слонами и в заповедниках и в джунглях.

Помню, как я был поражен, установив, что слонихи могут съесть за день до 400 килограммов пищи (лук, травы, корни), а самцы — даже полтоны, хотя их мощные желудки переваривают лишь 40–45 процентов съеденного. Отметил я и то, что слоны в огромных количествах потребляют изюм и грану. Случалось, что в поисках воды (слоны пьют до 200 литров в день) они рыли землю в направлении реки или озера, а найденные устраивали водоемы для купания. Иногда слоновья стада проходили за день 300 километров, разсыпав воду или пищу и отдавая семьями на привал.

Если слон теряет часть хобота от ранения или болезни, ему приходится пить из реки или озера, по щеки погружаясь в воду. Пищу же он не может подавать себе в пасть, и такому иванушке грозит голодная смерть. Но однажды в Национальном парке Угады я повстречал именно такого слона, который, несмотря на травму,

ГРАЖДАНИН ТЕМБО

была в паравальном состоянии. Я сидел за рулем «шпи́капа» и наблюдала за северной молодой самкой. Из зарослей вышло животное-парадокс: боит у него был срезан на уровне бивней, возможно, это случилось во время битвы с другим слонен, причем уже очень давно.

Я отравляла пошком за стадом к месту выпаса и там поняла, в чем дело. Ни один из слонов не съел ни анта, ни травинки — они все несли товарищу-инвалиду, двое даже рассорились, так как каждый хотел быть первым, а казала жадя, разругав васть. Ему падала столько пищи, что он с энтузиазмом обедал целый час, а потом покачал головой, вероятно, благодар за травинку. Лишь после этого остальные приступили к еде.

Вообще же сомнительно в порядке вещей среди слонов. Не раз приходилось видеть, как двое спускал ризиното товарища, поддерживая его своими телами. Когда слон дрыгается, двое молодых самцов (жители Восточной Африки называют их «аскари» — нидерландские) становятся к нему с подветренной стороны, чтобы уловить опасность. Правда, ни один слон, ни молодой, ни старый, не видит далее 40 метров, но при благоприятном ветре он чувствует с помощью обоняния приближение врага километра за полтора. Если опасность далека, «аскари» уводит подопечного в укромное место, если же разведка западает, готовятся к обороне. Именно так они скрывают от людей слона-великана по имени Мохаммед в заповеднике на горе Марсаби (Кения). Человек смог увидеть лишь останки Мохаммеда, причем выяснилось, что слон был ростом около 4 метров, а бивни его весили 125 килограммов.

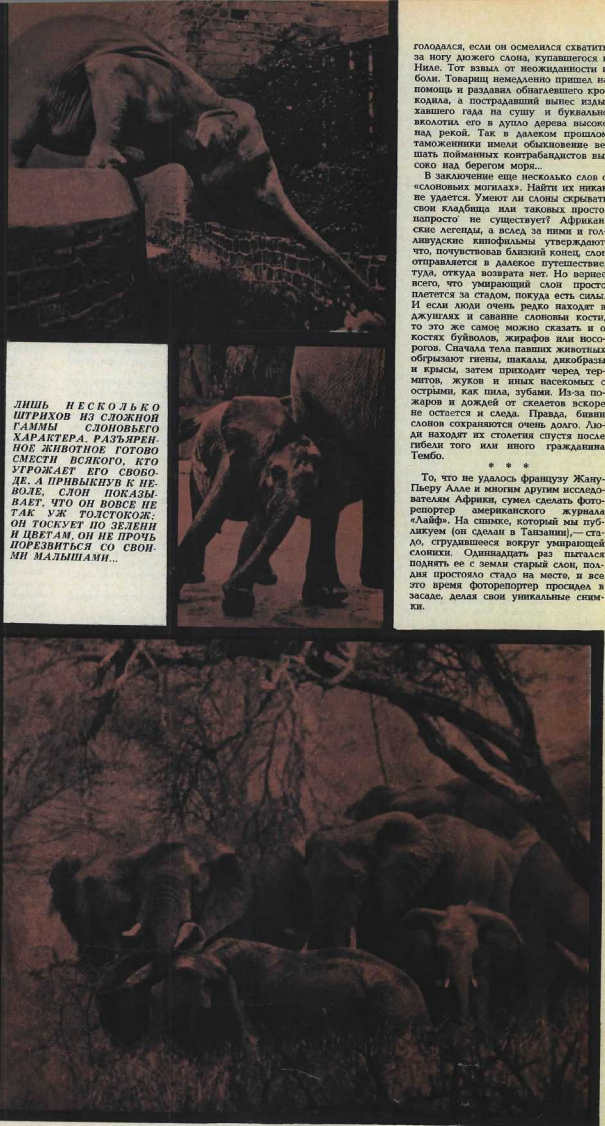
Точно так же не удалось сфотографировать живьем и старого слона Мафуванга, обитавшего в Национальном парке Утунди, вблизи водопада, где была мягкая трава, доступная его слабым зубам. «Аскари» создал вокруг Мафуванга идеальную систему оповещения. Когда же он умер, вся стада собралась возле трупа, облизывая своего патриарха, и все ждало сойти с места, пока не было отпущено выстрелами в воздух.

Часто стадо либо даже слоны-одиночки пытаются скоротить мертвеца, прикрывая его тело ветвями или тростником. Африканские охотники рассказывают, что у слонов бывают слезы на глазах, когда они пробирают путь через джунгли, чтобы пронести погибшего товарища. Не раз случалось, что слоны, пренебрегая собственной безопасностью, во время таких похорон, становились очень удобной мишенью.

Разумеется, очень трудно проверить рассказы о слоновьих слезах, тем более что вокруг этих потребностей существует немало домыслов и небяни. Абсурдный, на мой взгляд, случай описан Джорджем Адамсоном, старшим охотником в Южной провинции Кения (его жена Джой Адамсон — автор книги «Моя львиная семья» и киносценария «Рождения свободы»). Джордж Адамсон рассказывал о той же женщине из племени туркан, которая заблудилась в лесу и заснула под деревом. Посреди ночи ее разбудило стадо слонов. Один облизал ее, она прикрикнула на него, и он ушел, но потом вернулся и стал заваливать старушку ветвями дерева. Лишь выполнив свою потребную миссию, слон ушел.

Что это было? Помрачение разума от похорон? Ведь обычно слоны первыми не нападают...

Но они страшны и беспощадны, когда отражают атаку врага. Об одном из таких происшествий рассказано в книге С. Стокса «Саянтище». Нильские крокодилы очень редко нападают не только на взрослых слонов, но и на слонят, которые бродят у реки. Видимо, тот крокодил здорово про-

ЛИШЬ НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ ИЗ СЛОЖНОЙ ГАММЫ СЛОНОВОГО ХАРАКТЕРА. РАЗЪЯРЕННОЕ ЖИВОТНОЕ ГОТОВО СМЕСТИ ВСЯКОГО, КТО УГРОЖАЕТ ЕГО СВОБОДЕ. А ПРИВЫКНУВ К НЕВОЛЕ, СЛОН ПОКАЗЫВАЕТ, ЧТО ОН ВОВСЕ НЕ ГАД, УЖ ТОЛСТОКОЖИ. ОН ТОСКУЕТ ПО ЗЕЛЕНИ И ЦВЕТАМ, ОН НЕ ПРОЧЬ ПОРЕЗВИТЬСЯ СО СВОИМИ МАЛЫШАМИ...

голодался, если он осмелел схватить за ногу дождего слона, купанного в Ниле. Тот изваля от неожиданности и бои. Товарищ немедленно пришел на помощь и раздала обнагленного крокодила, а пострадавший вмеск издывавшего гада на спину и буровало влодела его в дупло дерева высоко над рекой. Так в далеком прошлом таможенники имели обыкновение вешать пойманных контрабандистов высоко над берегом моря.

В заключение еще несколько слов о «слоновьих мтиглах». Никит их никак не умеют. Умеют ли слоны скрывать свои слабости или таковых просто напросто не существует? Африканские легенды, а вслед за ними и голландские кинофильмы утверждают, что, почувствовав близкий конец, слон отравляется в далекое путешествие, туда, откуда возврата нет. Но вопреку всего, что умирающий слон просто падается за стадом, покада есть силы. И если люди очень редко находят в джунглях и саванне слоновьи кости, то это же самое можно сказать и о костях буйволов, жирафов или носорогов. Случаи тела падают животных обрызгуют гниью, пахала, дискорыли и крысы, затем приходит черед термитов, жуков и иных насекомых с острыми, как пила, зубами. Из-за жаров и дождей от скелетов вскоре не остается и следа. Правда, бивни слонов сохраняются очень долго. Люди находят их столетия спустя после гибели того или иного гражданина Тембо.

То, что не удалось французцу Жану-Пьеру Адаму и многим другим исследователям Африки, сумел сделать фоторепортер американского журнала «Лайф». На снимке, который мы публикуем (он снят в Танзании), — старуха, страдавшая вокруг умирающей слонихи. Одинадцать раз пыталась поднять ее с земли старый слон, после дня простоя стало на место, и все это время фоторепортер приседал в засаде, делая свои уникальные снимки.

— Но кто будет носить передачу? Если будет. Знаю я одного такого мужика... Он с палубы рыбку тащил...

— Но тут к Сергею кто-то обращается... Видно, заинтересованного его разговор. Потом идет на парней куда-то пересел. А Сергей и Мальцеву потянулись за другой стоей.

Гремер оркестр. Веселые не стихают.

Несколько раз Сергей замечал Ибидова, но тот болячке не поддавался к нему. И никто не пытался связаться с Сергеем оловян, мизоглазничать, с каким-либо намеком разговор, что-то тихо сказать или подать какой-нибудь знак.

Сергей переждал от стою к стоу. Он уже познакомился с жешком и новестю, сердечню и искренне похвалил их, пожелал счастья. Кажется, не осталось человека, с которым он не перебралось бы одним дружеским словом. И когда Сергей уже начал терять надежду на общаницю в эписке встречу, решив, что человек тот, видимо, вообще не пришел, он неожиданно увидел на террасе, около входа из душевой кабинки, ухрюпаную кем-то газету. Она выглядела удивительно свежей и совсем неуместно здесь, она просто резала глаза, эта газета, хотя никто почему-то ее и не брался на нее внимать.

Почему-то какому-то незнакомому человеку, Сергей с безразличным видом подошел ближе. На земле, прижатая ножкой отодвинутого кресла стола, лежала «Правда Востока», и в вырезанном на ней окошке виднелся номер «14», проставленная торшорной ручкой потычана.

Сергей не нагнулся, не поднял газету, он сделал шаг, чтобы ее не заметить, и поспешно вышел из кабинки стола Ибидова. Недалеко от парадной его и кто-то вдруг отогнулся и встретился с ним взглядом, незаметно подав ему условный знак.

Ибидов подошел не сразу, и Сергей, с размышлением глядя мимо него на газету, невольно подумал: — Посмотри на газету. Вот там, около стола...

— После чего он вернулся к Мальцевой, оживленно разговаривавшей с одной из женщин.

Было уже поздно, и гости постепенно расходились. Только молодежь не собиралась еще покидать стола. Выхватив смею, возлагая и плаксы не стидкая ни на минуту.

— Я вас провожу. Мне тоже пора,— ответил Сергей.

А я думала, вас самого проведут,— Мальцева усмехнулась.

И Сергей не понял, намека это или только предположение. Ведь мальчик действительно ждала его где-то неподалеку. Но этого Мальцева не могла видеть, и стою его не слышала звать. «Проводите» его мог и человек, назначивший ему встречу, но он не появился, а если бы и появился, Мальцева тоже... Впрочем, если бы он появился, ее стола получила бы вполне обоснованное объяснение. А вот куда, именно проведут. Может быть, она ему что-то скажет по дороге.

Дорогу домоя я как-нибудь найду. Но сначала проведу вас.

— Что же мне будет только приятно,— спокойно отговаривала Мальцева.

Они стали проходить с холемками.

Интересно, почему? Ведь кто-то из них был на свадьбе... Все скламывалось неудачно и просто скверно. Ничего оборачивалось, такая жажда, такая первичная, как если бы Санта Асбенева.

Сергей и Мальцева вышли из ворот и медленно двинулись по пустынной, темной улице, затем свернули на другую, потом на третью, пересекли парадную, подняли проспект и слова угадывались в какую-то узкую улочку.

Теплая ветр обдувала лицо, перевела волосы. В бычатино-черном, мягком небе висела, как зарисованная, идеальная круглая луна.

— Однако ребята смеются за нами юбкой квалифицированно,— подумал Сергей.— Ничем себя не обнаруживаю, совершенно ничем. Даже странно... Еще он отметил, что Мальцева не пошла, она же не стремится его завлечь.

— Усталы?— спросил Сергей.

— Немного больше голова.

Они шли по широкой, пустынной улице. От ридера фонарей плавали в темную мостовую четкие желтые круги. Где-то недалеко проехала машина, потом другая, за глухой перегородкой учуя прохлады, злобно замыкала стоба.

Видя, что стою Мальцева сказала: — Вот мы и пришли.— Она протянула руку.— Спасибо, Сергей Павлович!

— Нет, это вам спасибо,— возразил Сергей.— Замечательная была свадьба.

Он окинул взглядом мрачный, с погашенными окнами дом.

— На каком этаже вы живете? — Я живу во дворе.— Она указала рукой на ворота.— Вон, видите? В том доме.

— Хорошо,— сказала Сергей.— У вас так тотемный двор. Вы не боитесь?

Мальцева кивнула.

— Честно говоря, немного боюсь!

Они медленно пересекли двор и остановились у крыльца небольшого одноэтажного дома. Света в окнах не было.

— Когда же мы увидимся теперь?— спросил Сергей.

— Хоту показать вам свой черт,— загадочно ответила Мальцева.— Значит, даст через два. Но вы обещали... Помните?

— Помню. Так через два дня?

— Не знаю. Не рашите.

Они простояли. Мальцева достала из кармана коло, старожю, чтобы не шуметь, открыла им дверь и исчезла за ней.

Сергей закурив и направился через двор к воротам.

— Интересно, какая у нее смея?— вдруг подумал он.

Выйдя на пустынную улицу, Сергей огляделся. Где ребята? И куда теперь идти, интересно? Пожалуй, налево, и проспекту.

Слабенькая штучка ридера фонарей убежала во мгу, словно указывая путь. Крутом отсуждено, Сергей невольно остановился, так как что-то случилось, что стало, глядя на Сергей черными проемами окон. Не правдоподобная, огромная и яркая луна по-прежнему безмолвно висела в душно, выгланном взезде.

Внезапно мимо проехала машина и остановилась возле какого-то дома. Недалеко. Из нее вышел человек.

— Сергей, подождите! Идите, минимально отменили про себя: «Продолжай машина. «Москвич».

«Человек неторопливо закурив и неожиданно двинулся навстречу Сергею.

— Это, это уже интересно,— подумал Сергей и только что хотел заметить, что мотот «Москвич» продолжает негромко урчать. А человек вышел из машины слева — значит, сам был за рулем.

Сергей невольно укорачив отступил. Нет, кто-то идет навстречу Сергею.

Когда они поравнялись, человек тихо и спокойно произнес:

— Здравствуйте. Это я нагнулся вам занеску.

Сергей внимательно оглядел незнакомца. Темные, гладкие замесанные волосы, репительное, худощавое лицо с небольшими усиками, под подбородком белая, распухшая у ворота рубашка. Нет, этого человека Сергей не знал.

— Почему вы не пришли на свадьбу?— спросил Сергей.

— Не обязательно,— усмехнулся тот.— Вы назвали «Нало встретиться? Вот мы и встретились».

— Конечно дело. Дальше его копать... э-э... не надо. А деньги вам дайдемся.

И как вы советуете дожить?

— Сергей Павлович, вы не знала, на что решиться. Брать сумму этого человека? Но это ничего не даст. Его завтра же придется выпустить. Он от всего откажется, и никаких улик против него нет.

Скоме того, в машине, может быть, находится его сообщники, они вам скроются, нал придут на помощь. Черт возьми, где же ребята?

В этот момент из ворот, откуда только что вышел черт, поднялся женский фигура.

Сергей Павлович— узнал он голос Мальцевой.— Хорошо, что вы еще не ушли. Я же забыла...— Она в нерешительности остановилась.

— Сергей Павлович,— резко сказала незнакомый, отворачиваясь.

— Сейчас мы это сделаем,— охотно согласился Сергей и она учу: «Нет, она, видимо, не связана с вами, она другая, кажется, даже помешала».

— Это родственна и Мальцевой.

— Что случилось, Алла Георгиевна?

— Я же забыла у вас свою сумочку. А там у меня... И потом, я хотела объяснить вам, как добраться до моего жилища!— резко сказала незнакомый, отворачиваясь.

— Ах, да! И я забыла,— улыбнулся Сергей и снова незаметно отступался.

Ему показалось, что на противоположной стороне улицы мелькнула чья-то тень. Нет, нет, он не ошибся. Кажется, все в порядке.

— Вот она, а насчет гостиницы... Мне поможет вон тот товарищ.— Он кивнул на незнакомца.

Мальцева взяла сумочку и испоконно сказала: — Тогда все в порядке. И еще раз извините меня.

Она улыбнулась ему на прощание и скрылась в темном проеме ворот.

Сергей Павлович подошел к незнакомцу.

Тот с явным неудовольствием оглядел его, опасно поглядывая по сторонам. Когда Сергей приблизился, он раздраженно сказал:

— Сергей Павлович, да потюм уже женщин. Лишние глаза, поймай там...

— Что поделешь, так... случилась.

Сергей оскел. Он ввдруг сажала важнейшею открытию. Видимо, он подошел к незнакомцу под другим углом и неожиданно заметил освещенный уличным фонарем красный бок его машины. «Вот это встреч!» — ошеломленно подумал он.

— Как же вы предприняли попытку, это дело?— собиравшись с мыслями, Максимально спросил Сергей.

— Как напился. Все сделала Рожков. И точка.

— Деньги беру?

— Деньги вам дадут,— усмехнувшись произнес незнакомец.— Значит, вы?— Он назвал сумму.

«Ого,— подумал Сергей.— И это только задаток».

— Что ж, давайте выглажем.

Он решил проветрить, есть ли в машине кто-нибудь еще.

— Деньги не кинуть,— иронически произнес незнакомец.— Их смотреть неинтересно.

— Каю бюджет потюм,— сказала Сергей.

Но незнакомец решительно встал между ним и машиной.

— И деньги потюм. Сперва скажите: согласны?

В этот момент Сергей уловил, как вдруг напряженно заработал мотор машины. Видимо, там кто-то перешел из ручного проскрывателя. Ручки переключения сцепления. Правая передняя дверца машины слегка прототрслась, словно зовя к себе незнакомца.

И потюм что внимание Сергею все время делалось между машиной и этим человеком, он, видимо, что-то не заметил из того, что происходило вокруг. Потюм он и не понял, почему незнакомец вдруг вранулся к машине, а мотор ее бешено врезался.

Сергей только успел на лету переключить его ручку и резко, заученно дернул ее на себя. Человек упал так внезапно, что Сергей покачнулся. В секундный момент он ощутил сильный удар в живот и повалился на землю.

Незнакомец, повалившись, вскрикнул: «Сережчик, прекратишь, шить тяжело».

Сергей невольно нагнулся к нему.

А машина, сорвавшись с места, с ревом устремилась вперед. Однако промывает мертвец сто, она чуть не врезалась в перегородку стола.

Вспомнил Сергей Павлович, что он же и ввдруг начался до человека. Но водитель с удивительной ловкостью в последнюю секунду вывернула руль.

«Москвич», с ревом перемахнул тротуар, давая в сторону парадной.

Сергей Павлович, с ревом перемахнул оптический ручей, резко замедлившись, перегородил собию проход. Сидевший за рулем человек выскочил из машины.

Пока его преследователь возлился с застринным «Москвичом», он успел скрыться в окутанном темнотой обширном проходном дворе.

Между тем незнакомец оказался вертким и жилистым. Сергею было не так просто справиться с ним. И еще не утешало было в житею от удара ногой. Потюм, когда вылезла машина, прогоняющая еще в МУРе. Один первый, второй, третий — сбрасывание, неровный перекарт, уез на юг. И ее успел еще кто-то из оперативников поудобить на помощь, как размылся короткий толчок. Незнакомец бескомпромиссно отступил назад, зырная глаза.

Сергей с трудом поднялся, проведя рукой по потюму лбу и озабоченно сказал стотрудуку: — Пешуюй его ручку. Пешай!

— Порадок, Сергей Павлович. Сейчас очуається, сейчас подлезала машина с остальными стотрудуками.

Обмякшее тело незнакомца перенесли на заднее сиденье.

Сергею стали поперебой рассказывать о неучае с «Москвичом».

— Хотите?— ас,— сказала одна из переключивших.

— Потюм, я ввдруг отпустил его другой.

— Около машины кто-нибудь есть!— спросил Сергей.

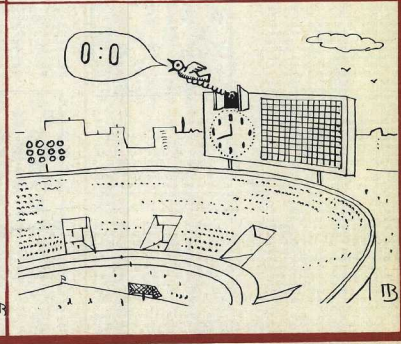
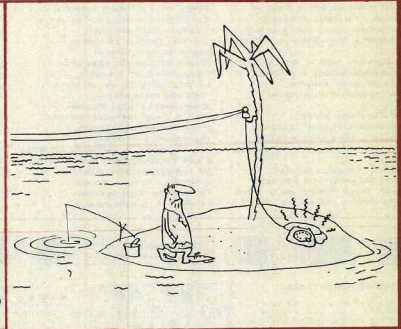
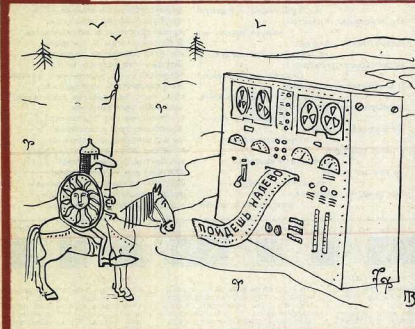
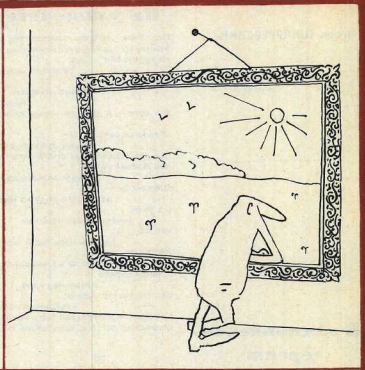
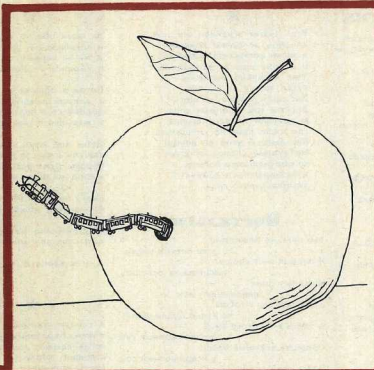
— А как же. Сейчас подползем туда техпомощю. Он, сукин сын, все разворовал там. Как только сам донесет.

В это время незнакомец губкою влакнула, открыл глаза и яростно дернулся, пытаясь подняться. Убедившись в своей беспомощности, он усмехнулся.

— Ловко. Значит, вы договорились?

— Потюм, же возмуж. Сергей, усидываясь рядом с водителем.— У вас еще будет полная возможность договориться... Юсиф.

Продолжение следует.

ГОРОД НА ПАМЯТЬ

Слова Моисея НАРИНСКОГО
Музыка Якова ДУБРАВИНА

Когда друзья приходят на вокзал,
Когда друзья ты все уже сказал,
Тебе отсюда трудно уезжать,
И город, что построил, оставляет.

Огни проспектов в городе твоём,
Остались где-то в сумраке ночном.
А ты спомнишь ту, где гул ветров,
Где будут силуэты городов.

Прпие: Спасибо, дружище,
Спасибо тебе
За то, что идешь ты
По трудной тропе.
Не каждому дано так щедро
Друзьям на память города — жить — дарить.

К тебе спешит навстречу новый день,
Но день вчерашний не уходит в тень,
И ты несешь ношел свой на плечах,
Чтоб люди жили в новых городах.

Пусть город твой, где сопки и тайга,
Еще на белом ватмане пока,
И ты вокруг лежишь струвой снег,
Но верит в этот город человек.

Прпие: Спасибо, дружище,
Спасибо тебе
За то, что идешь ты
По трудной тропе.
Не каждому дано так щедро
Друзьям на память города — жить — дарить.

КРОССВОРД

Составил В. ВИЛЕЧКИН, г. Донской, Тульской обл.

По горизонтали:

7. Уборочная сельхозмашина. 8. Персональный номер. 9. Мольера «Лягушка-повелюха». 10. Строительная машина. 12. Духовой музыкальный инструмент. 13. Приток Куры. 14. Картина передвижника В. Е. Мазовского, посвященная революционной молодежи. 16. Коралловый остров. 20. Южное плодородное дерево. 21. Занимательность, значительность. 25. Пьеса В. Гусева. 26. Повесть. 28. Стол приспособленный для обработки дерева. 29. Пьеса В. Шоу. 30. Печатный набор. 32. Массивная прямоугольная колонна. 33. Советский эмигрант, руководитель комиссии ГОЗПРО. 34. Раэлина река. 35. Текстильная неделя.

По вертикали:

1. Шахматный ход. 2. Персонаж трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». 3. Лэстический сборник. 5. Мелопластича. 4. Северная морская птица. 5. Несущая конструкция сооружения. 6. Поверхность, имеющая два измерения. 9. Писатель, лауреат Ленинской премии. 10. Город в Калининградской области. 11. Советский геолог, академик. 14. Птица отряда мушкетеров. 15. Порт в Бельгии. 18. Сборник таблиц, карт. 19. Оптическое стекло. 22. Осветительный прибор. 23. Троицкая степь. 24. Древнеславянская система письма. 27. Геометрическое тело. 28. Приток Днепра. 31. Растение. 32. Хвойное дерево.

ОТВЕТ НА КРОССВОРД.
НАПЕЧАТАНИИ В № 14

По горизонтали:

4. Степанова. 8. Молод. 9. Лизер. 10. Альпинист. 13. Шест. 15. Липин. 16. Ромин. 18. Парад. 21. Соснок. 22. Озерок. 23. Мачта. 24. Волан. 28. Коток. 30. Ганши. 31. Рынок. 33. Дискобол. 34. Вайларка. 38. Универсиада. 39. Сивтер. 40. Англия. 41. Старт. 42. Корт. 43. Леса. 45. Бросок. 46. Новаут.

По вертикали:

1. Граммлин. 2. Пелаль. 3. Ковыль. 4. Сотка. 5. Атлет. 6. Холый. 7. Тенис. 11. Ляпта. 12. Серво. 14. Триск. 15. Ядро. 17. Бельгия. 18. Нартер. 19. Горизонт. 20. Подолон. 25. Алексеев. 26. Колонна. 27. Команда. 29. Ангальт. 30. «Спартак». 33. Дневка. 33. Арбитр. 36. Синсток. 37. Внатлок. 42. Кроль. 44. Атланта.

Нарисуйте фигуру одной непрерывной линией, не отрывая карандаша от бумаги.

Изобразите цифру «8» тремя четвертями.

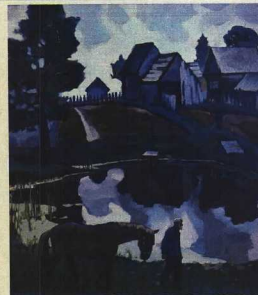
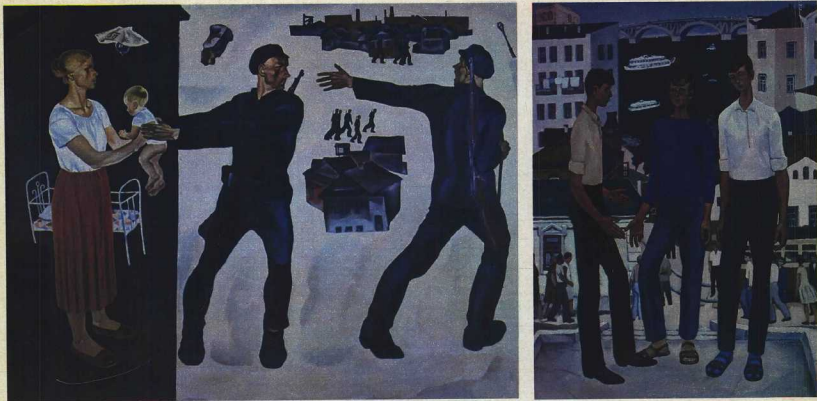

1.

На таблице 49 белых кружков, из них 3 обозначены звездочками. Дорисуйте еще 18 звездочек так, чтобы в каждом горизонтальном и вертикальном ряду было по три звездочки, а в двух диагоналях не было бы ни одной.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ

а «СМЕНЫ»: № 14

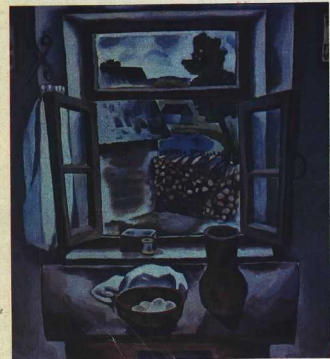
**ВСТАВАЙ,
ПОДНИМАЙСЯ...
МАЛЬЧИШКИ.**

ХУДОЖНИК СУРОВОГО ПИСЬМА

ПРУД.

**ДЕРЕВЕНСКИЙ
НАТЮРМОРТ.**

ПОСЛЕ ДОЖДЯ.

Эти полотна саратовского живописца Бориса Давыдова лишены ласкающего глаза и успокаивающего душу сочетания красок. Мистоние бури века, очистительный шквал Революции, решимость героев и споры, матерей погибших воинов Великой Отечественной, рабочие будни людей труда, понимающих свое высокое предназначение на этой земле, — все это, значительное и выстраданное, диктует художнику единственно приемлемую для его дарования манеру сдержанного, сурового письма.

Ляношину, как нельзя лучше способствующую динамике, чечанная выразительность, даже некоторая угловатость рождает работу Давыдова «Вставай, поднимайся...» с плакатом первых лет революции. Но дистанция во времени в данном случае дает возможность художнику для деревенского пейзажа, его художественные обобщения благодаря этому становятся масштабнее, они захватывают по крутой тому чужое чувство историзма, присущее Давыдову, для него то или иное событие далеких лет не эпизод, а судьба. Именно это и создает правдивость изображенного, непреходящее волнение, когда художник сопереживает с прошлым. Потому прошлое у Давыдова — и героическая легенда, ослепшая революционной романтикой, и реальность, соединившаяся с мечтой, и та действительность, которая

не чуждается фантазии. Воскрешая дух времени, Давыдов создает поэму в цвете — о людях необыкновенных, творцах истории. Ответа мало, незначительное. Давыдов стремится и аллегорично, но сколько же жизни, оптимизма, целеустремленности в образе рабочего-революционера, который становится главным героем композиций художника на эту тему!

Поэма мир великих характеров и больших событий, Давыдов сумел найти себя в современной теме, оставшись неповторимым и трогательным в своей стремлении глубоко постигнуть духовный мир человека. Уклад деревенской жизни подсказывает художнику ту своеобразную условность художественных средств, с помощью которых при наивном, казалось бы, восприятии жизни создается ощущение большой правдивости и нравственной глубины.

Запоминаются «Трактористы» — приземистые, чумазые, с кинимото-подегски чистыми глазами, они таковы, что у них «чула светится». Нам бы отступая от принципов «сурового письма», Давыдов в таких работах не отступает от главного: от своего эстетического идеала, от верности и любви к людям и природе России.

**Н. ЛЯШЕНКО,
З. СМЕЛЯКИН**